

В. А. Томсинов

**Андрей Януарьевич Вышинский
(1883 – 1954):
государственный деятель
и правовед**

Часть 7

Опубликовано:

Журнал «Законодательство»

2019.

№ 8. С. 86–94. № 9. С. 85–94.

№ 10. С. 85–94. № 11. С. 86–94.

1

15 декабря 1936 года в газете «Правда» под рубрикой «В помощь пропагандисту» была опубликована без указания авторства статья «Правые отщепенцы — защитники реставрации капитализма», чрезвычайно встревожившая Бухарина. В ней давалась оценка политической платформы правой оппозиции конца 20-х годов. Лидеры правых ставились в один ряд с троцкистами и зиновьевцами. Они обвинялись в том, что «требовали свернуть промышленное строительство — в первую очередь строительство тяжелой индустрии — и прекратить строительство колхозов и совхозов, предоставив кулачеству возможность “спокойного развития”»; что «ратовали за отмену направленных против кулаков чрезвычайных мер при проведении хлебозаготовок и требовали ввоза хлеба из-за границы, — вместо необходимых для социалистической индустриализации машин, предлагали дать полную свободу кулацкому производству и кулацкой спекуляции хлебом. Они требовали снизить темпы социалистической индустриализации и настаивали на отказе от пятилетки»¹. Выводы, которые делались в статье, вполне могли составить основание для приговора уголовного суда: «По сути дела, выступая против политики социалистической индустрии и коллективизации, правые отказывались от построения социализма в нашей стране, стали на путь капитуляции, на путь реставрации капитализма». «Уже в самом начале своей борьбы против социалистического наступления правые капитулянты организовали гнусный беспринципный блок с троцкистско-зиновьевскими контрреволюционерами». «Действительность показала, что троцкистско-зиновьевские шпионы, убийцы, диверсанты и агенты Гестапо работали рука об руку с правыми реставраторами капитализма, с их лидерами»².

Реакция Бухарина на эту статью была незамедлительной и панической, но в письме к членам Политбюро, написанном сразу по прочтении статьи, он постарался скрыть истинное свое настроение. Указав, что в газете «Правда» только что появилась отрицательная

¹ Правые отщепенцы — защитники реставрации капитализма // Правда. 1936. № 344 (6950). 15 декабря. С. 2.

² Там же.

статья, в которой бывшие лидеры правой оппозиции, а следовательно, и он — Бухарин — обвиняются в том, что «шли рука об руку с троцкистами и диверсантами, Гестапо и т.д.», Николай Иванович сообщил, что считает необходимым «еще и еще раз» заявить:

«1. Ни словом, ни делом, ни помышлением я не имел и не имею ничего общего ни с какими террористами каких бы то ни было мастей. Я считаю чудовищным даже намёк на такое обвинение. Все последние годы я верой и правдой служил партии.

2. При всех и всяких обстоятельствах, всюду и везде, я буду настаивать на своей полной и абсолютной невинности, сколько бы клеветников ни выступало против меня со своими клеветническими показаниями и как бы они ни прикрывали эту клевету “благородными» побуждениями”»³.

Получив это письмо, Сталин направил его главному редактору «Правды» Л.З. Мехлису с резолюцией: «Вопрос о бывших правых (Рыков, Бухарин) отложен до следующего Пленума ЦК. Следовательно, надо прекратить ругань по адресу Бухарина (и Рыкова) до решения вопроса. Не требуется большого ума, чтобы понять эту элементарную истину»⁴.

В личном письме к Сталину, написанном 15 декабря 1936 года, Бухарин дал полную волю своим чувствам. «Дорогой тов. Сталин, сегодняшняя статья в «Правде» (а все знают, что означают такие статьи) уже исходит из «доказанности» неслыханно тяжких обвинений против лидеров правых (и, очевидно, в том числе и меня). Эта статья меня прямо свалила.

Нужно сказать, что и на Пленуме ЦК, и на очных ставках, когда на меня обрушивались чудовищные обвинения, мне казалось, что о мою голову рвутся бомбы, а я остаюсь каким-то чудом цел. Иногда мне представлялось, что все это происходит не со мной, а в каком-то кинематографе — до того трагически нелепым, просто невозможным

³ Письмо Н. И. Бухарина И. В. Сталину и членам Политбюро ЦК ВКП(б) с протестом против публикации в газете «Правда» обвинительной статьи в адрес бывших лидеров правой оппозиции. 15 декабря 1936 г. // Декабрьский Пленум ЦК ВКП (б) 1936 года. Документы и материалы. М., 2017. С. 296.

⁴ РГАСПИ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 710. Л. 179.

ощущал я каждое обвинение. Здесь просто нет слов человеческих, чтобы выразить все это...»⁵.

После этого совсем несвойственного политику признания Николай Иванович постарался отвести от себя обвинения, брошенные в его адрес Куликовым во время очной ставки 7 декабря 1936 года, но удар, нанесенный ему статьей «Правые отщепенцы — защитники реставрации капитализма», был явно сильнее. «Теперь, после статьи в «Правде», я политически убит, — жаловался он Сталину. — Это уже такой градус, когда все тускнеет. Уверен, что когда-нибудь и ты увидишь, что здесь была сделана вами ошибка. Еще раз говорю тебе: у меня нет никакой злобы: такова проклятая полоса. Но тем не менее жалко гибнущей чести революционера и связанной с ней жизни. Ведь ты понимаешь, что политическая смерть — это все. Нет слов, чтоб выразить всю муку от ложных обвинений, оскорблений, всего позора, от которого до абсолютного отчаянья — один маленький шаг.

Что мне теперь делать? Я забился в комнату, не могу видеть людей, никуда не выхожу⁶. Родные — в отчаянье. Я — в отчаянье, ибо почти бессилён бороться с клеветой, которая со всех сторон душит»⁷.

В конце письма Николай Иванович напомнил Сталину его слова на прошедшем Пленуме ЦК, чтобы возразить на них. «Ты сказал на Пленуме: “Бухарин бьет здесь на искренность”⁸. Ты ошибаешься: я ни

⁵ Письмо Н.И. Бухарина И.В. Сталину. 15 декабря 1936 г. // Декабрьский Пленум ЦК ВКП (б) 1936 года. Документы и материалы. С. 297.

⁶ Комната, о которой Бухарин пишет в данном письме, являлась бывшей спальней Сталина. После самоубийства жены Надежды Сергеевны Иосиф Виссарионович поменялся квартирами с Николаем Ивановичем. По воспоминаниям Анны Михайловны Лариной-Бухариной, в ней стояли «две кровати, между ними тумбочка, дряхлая кушетка с грязной обивкой, сквозь дыры которой торчали пружины, маленький столик. На стенке висела тарелка темно-серого репродуктора. Для Н.И. эта комната удобна была тем, что в ней были раковина и кран с водой; здесь же дверь в небольшой туалет. Так что Н.И. обосновался в той комнате прочно, почти не выходя из нее» (*Ларина-Бухарина А.М. Незабываемое. М., 1989. С. 317*).

⁷ Там же. С. 299.

⁸ Выступая заседании Пленума 4 декабря 1936 г. после оправдательной речи Бухарина, Сталин говорил: «Я хотел два слова сказать, что Бухарин совершенно не понял, что тут происходит. Не понял. И не понимает, в каком положении он оказался, и для чего на пленуме поставили вопрос. Не понимает этого совершенно. Он бьет на искренность, требует доверия» (Стенограмма заседания

на что не “бью”. Я в таком душевном состоянии, что это уже только полубытие. Я думаю уже в категориях, которые пишутся с большой буквы, о последних, предельных величинах работы, чести, жизни, смерти. Погибаю из-за подлецов, из-за сволочи людской, из-за омерзительных злодеев»⁹.

На что надеялся Бухарин, вновь обращаясь к Сталину с письмом-исповедью? Хотел ли он вызвать к себе сочувствие или же просто изливал переживания на бумагу? Николай Иванович не мог не понимать, что кампания против него направляется самим Сталиным, но почему-то всячески старался отгородиться от этого факта, обвиняя в своих бедах других людей — бывших соратников, чьи показания на допросах давали основания для предания его, Бухарина, уголовному суду.

После прошедшего 4 и 7 декабря 1936 года Пленума ЦК ВКП (б) работа следователей НКВД по сбору таких показаний заметно активизировалась. 21 декабря Н.И. Ежов направил Сталину письмо Л.С. Сосновского, написанное после очной ставки с Бухариным. Обращаясь к народному комиссару внутренних дел, арестованный заявлял: «Я решительно подтверждаю свои показания на следствии. Попытки Бухарина отделаться огульным отрицанием всего, что мною сказано о нашей с ним связи по к[онтр]-р[еволюционному] блоку, вынуждают меня настоятельно просить Вас предоставить мне возможность изобличить Бухарина до конца»¹⁰. Касаясь разговоров с Бухариным наедине во время работы в газете «Известия», Сосновский сообщил: «И первой темой был террор, обоснование его применения»¹¹. Другой темой таких разговоров являлась, по словам Сосновского, рютинская платформа. «Именно от Бухарина я услышал подробное изложение рютинской платформы», — отметил Лев Семенович, пояснив при этом, что «Бухарин охарактеризовал эту платформу как преемственно связанную с нынешней платформой

Пленума ЦК ВКП (б). 4, 7 декабря 1936 г. // Декабрьский Пленум ЦК ВКП (б) 1936 года. Документы и материалы. С. 57).

⁹ Там же.

¹⁰ Заявление Л.С. Сосновского на имя народного комиссара внутренних дел Н.И. Ежова. 21 декабря 1936 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 262. Л. 124.

¹¹ Там же. Л. 129.

к[онтр]-р[еволюционного] блока, он подробно изложил мне ее суть и подчеркнул, что хотя слово “террор” в ней не упомянуто, но идея насильственного устранения Сталина развита совершенно отчетливо, резко»¹².

22 декабря 1936 года следователями секретно-политического отдела Главного управления государственной безопасности НКВД был допрошен находившийся под арестом активный участник правой оппозиции конца 1920-х годов, заведующий секретариатом Бухарина с 1928 года Е.В. Цетлин. Его показания оказались для Бухарина, пожалуй, наиболее опасными из всех. Ведь он был ближайшим соратником лидера правой оппозиции, знал о нем больше других арестованных, его показания имели поэтому больший вес.

Ефим Викторович рассказал на допросе о созданных во второй половине 1920-х годов организационных структурах правой оппозиции — так называемой «бухаринской школы молодежи» и «общесоюзном центре организации правых» в составе Н.И. Бухарина, А.И. Рыкова, М.П. Томского, Н.А. Угланова и А.Н. Смирнова, о росте «террористических настроений» среди членов правой оппозиции, о подготовке правыми террористических актов против руководителей ВКП (б).

Из показаний Цетлина следовало, что, потерпев поражение в открытом столкновении со Сталиным на апрельском 1929 года Пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б), Бухарин начал готовить насильственное его свержение. В поисках людей, которые могли осуществить террористические акты против руководителей ВКП (б), он обратился к бывшему эсеру Семенову. На вопрос, о каком Семенове идет речь, Цетлин ответил: «Семенов — бывший руководитель боевой организации эсеров, осуществивший террористическое покушение на Ленина, а также убийство Урицкого и Володарского»¹³. Затем в ходе

¹² Там же. С. 130.

¹³ Протокол допроса Е.В. Цетлина. 22 декабря 1936 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 263. Л. 165. Григорий Иванович Семенов (1891–1937) действительно был умелым организатором террористических актов. С 1907 г. он являлся членом анархистско-коммунистической организации. В 1912 г., разочаровавшись в анархизме, вступил в ряды партии социалистов-революционеров, в начале 1918 г. вошел в состав ее центрального комитета. В мае 1918 г. по предложению Г.И. Семенова при ЦК партии эсеров был создан центральный боевой отряд для организации

допроса добавил: «Личные качества Семенова, как опытного боевика, организатора, особенно высоко расценивались центром нашей организации и в первую очередь Бухариным, который был наиболее близко связан с ним и знал его лучше нежели другие члены правых»¹⁴.

Когда следователи задали Цетлину естественно напрашивавшийся вопрос: давались ли Семенову «какие-либо практические задания по террору», он ответил: «Мне говорил Бухарин, что в начале 1933 г. он поставил перед Семеновым задачу подготовки и проведения террористического акта против Сталина и Кагановича. На Семенова возлагались большие надежды в этом отношении, так как считали, что он является наиболее подходящим человеком, который сможет сколотить террористическую группу и до конца довести подготовку террористического акта. Однако передоверить эсерам целиком подготовку и осуществление терактов над руководителями ВКП (б) мы не считали возможным»¹⁵.

Согласно показаниям Е.В. Цетлина, Бухарин рассматривал в качестве еще одного варианта насильственного отстранения Сталина от власти **заговор**. «Уже начиная с 1930 г., — рассказывал на допросе

террористических актов против большевистских руководителей. По некоторым данным Семенов действительно являлся организатором покушений на В. Володарского (М.М. Гольдштейна) 20 июня 1918 г., Ленина и М.С. Урицкого 30 августа 1918 г. В сентябре того же года он был арестован, но за отсутствием против него улик в апреле 1919 г. его освободили под поручительство члена Президиума и секретаря ВЦИК Авеля Енукидзе. С этого времени Г.И. Семенов, формально не выходя из партии эсэров, стал работать на большевиков, выполняя задания руководства ВЧК. В январе 1921 г. Оргбюро ЦК РКП (б) секретным решением приняло Семенова в ряды коммунистической партии. В феврале 1922 г. в Берлине и Москве вышла брошюра «Военная и боевая работа Партии Социалистов-Революционеров за 1917-1918 г.г.», на обложке которой в качестве фамилии автора был указан Г. Семенов (Васильев). Ее материал стал важнейшим основанием для обвинения социалистов-революционеров на судебном процессе в Москве в июне-августе 1922 г. В дальнейшем Г.И. Семенов привлекался к выполнению разного рода заданий по линии Разведывательного управления РККА и Иностранного отдела ОГПУ. 11 февраля 1937 г. он был арестован по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации. 8 октября того же года Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к расстрелу.

¹⁴ Протокол допроса Е.В. Цетлина. 22 декабря 1936 г. Л. 166–167. Бухарин действительно хорошо знал Г.И. Семенова. Он познакомился с ним летом 1922 г., когда выступал его защитником на процессе социалистов-революционеров.

¹⁵ Там же. Л. 167.

Ефим Викторович, — в нашей среде распространилась путчистская идея так называемого “дворцового переворота”». На вопрос следователей, кто ее выдвинул, Цетлин ответил: «Инициатором идеи “дворцового переворота” был лично Н.И. Бухарин, выдвинув ее с полного согласия и одобрения Рыкова и Томского, а наиболее ревностными сторонниками и популяризаторами этой идеи были участники нашей организации Слепков, Кузьмин и Сапожников»¹⁶. Подробности, которые соратник Бухарина далее сообщил, заставляют, если не поверить, то весьма серьезно отнестись к этому показанию. Следователи НКВД вряд ли были способны придумать подобное.

По рассказу Цетлина, в марте 1930 года он, Сапожников и Слепков собрались у Бухарина в квартире. Во время этой встречи Бухарин «развернул обоснование идеи “дворцового переворота”». Николай Иванович «доказывал, — свидетельствовал на допросе Цетлин, — что при известных обстоятельствах “дворцовый переворот” является эффективным и действенным способом добиться устранения “ненавистного руководства”, как он выразился, в противном случае, неизбежна длительная борьба за власть. Выдвигалось два варианта осуществления “дворцового переворота”: первый — распространить наше влияние на охрану Кремля, сколотив там ударное ядро преданных делу нашей организации людей и совершить переворот путем ареста руководителей ВКП (б) и советской власти; второй — создать ударное ядро в какой-либо воинской части, расквартированной в Москве, вне Кремля и используя служебное положение Рыкова, как председателя СНК, ввести эту воинскую часть, по его приказу, в Кремль.

В случае удавшегося переворота предполагалось, что пост секретаря ЦК займет Томский, остальные руководящие посты в аппарате ЦК займут Слепков и участники его группы. Рыков сохранит за собой руководство СНК, Бухарин встает во главе руководства партией и Коминтерна. Кроме того, к руководству привлечены будут также троцкисты и зиновьевцы, в частности, из

¹⁶ Там же. Л. 170.

среды военных троцкистов предполагалось наметить кандидатуру Наркомвоенмора. Каменева предполагалось назначить заместителем председателя СТО и председателем Госплана, т.е. фактическим руководителем всей хозяйственной жизни страны, Зиновьева, наряду с Бухариным, предполагалось вернуть к руководству Коминтерна.

По мысли Бухарина вскоре же после переворота должен быть созван чрезвычайный объединительный съезд партии, с участием троцкистов, зиновьевцев и представителей других, в разное время исключенных из партии, течений»¹⁷.

Самой убийственной для лидеров правой оппозиции частью показаний, данных арестованным Е.В. Цетлиным, был рассказ о том, как они намеревались решить вопрос о дальнейшей судьбе смещенных со своих постов руководителей партии и Советского государства. «Во время майского разговора в 1930 г. относительно возможности совершения “дворцового переворота”, — сообщил Ефим Викторович, — присутствовавший при этом разговоре Сапожников поставил перед Бухариным вопрос о том, как представляет он себе дальнейшую судьбу арестованных во время переворота руководителей ВКП (б) и правительства. Вспоминаю, что на этот вопрос ответил Слепков, который сказал, что заключение руководителей ВКП (б) и правительства в политизолятор или высылка за границу — опасный шаг. Надо иметь в виду, подчеркнул Слепков, что Сталин, даже находясь в изоляторе или за границей, будет представлять для нас большую угрозу и единственно правильное решение этого вопроса будет заключаться в физическом уничтожении, если не всего руководства, то, по крайней мере, Сталина»¹⁸.

После этого рассказа Цетлин привел весьма примечательную деталь. Высказав мнение о том, как поступить в случае успешного переворота с арестованными руководителями партии и государства, Слепков обратился к Бухарину со словами: «Знаете, учитель, когда все это начнется, мы запрем Вас в кабинете, а то по свойственному Вам мягкосердечию, Вы испортите нам все дело». Задетый за живое этой

¹⁷ Там же. Л. 171-172.

¹⁸ Там же. Л. 172.

характеристикой, Бухарин, по воспоминанию, Цетлина, вскочил с кресла и заявил: «Ничего подобного, Саша, меня не придется запирать, я буду драться, как лев». Свой рассказ следователям об этом эпизоде Ефим Викторович закончил замечанием: «Вместе с тем Бухарин полностью одобрил мнение Слепкова о необходимости физического устранения Сталина»¹⁹.

Протокол допроса Е.В. Цетлина от 22 декабря 1936 года нарком внутренних дел Ежов на следующий день направил лично Сталину. Можно представить, с какими тяжелыми чувствами воспринимал Иосиф Виссарионович исповедальные письма Бухарина после прочтения этого документа. А Николай Иванович продолжал ему писать. Перед новым годом Сталин получил от него еще одно послание. Прочитал сам и передал напечатанный на пишущей машинке пятистраничный текст письма другим членам Политбюро. На первом листе экземпляра письма, хранящегося в Российском государственном архиве социально-политической истории видны пометки: «читал» и подпись — В. Молотов, «читал» и подписи — Л. Каганович, Орджоникидзе, К. Ворошилов и др.

«Дорогой Коба, — начал письмо Бухарин, — подходит новый год, и я решил тебе снова написать, ведь только тебе я и могу писать.

Никуда выходить я не могу, видеть людей не могу, лежу в четырех стенах со слабеющей головой, ибо душевные терзания из-за неслыханных обвинений меня, который ни в чем невиновен и с увлечением работал за наше дело — превосходят все. Мое положение чудовищно и беспрецедентно»²⁰.

Сообщая в очередной раз о своих душевных муках, Бухарин вряд ли надеялся разжалобить Сталина, вызвать в нем хоть какое-то сочувствие. Скорей всего он просто хотел показать, что уже понес наказание за свои прегрешения, причем настолько тяжкое, что наказывать его дополнительно нет никакого смысла. Стремясь внушить Сталину эту мысль, Бухарин предельно эмоционально и даже истерически сокрушался: «Что же, неужели я буду отшит от

¹⁹ Там же. Л. 173.

²⁰ Письмо Н.И. Бухарина И.В. Сталину. Вторая половина декабря 1936 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 266. Л. 1.

жизни и борьбы? От всего, чем жил всю свою жизнь? Потому, что негодяи так опутали меня клеветой со всех сторон, что даже многие их вас — очевидно ей поверили? Неужели я буду обречен на фактическое бездействие и политическую смерть, когда я всем существом предан делу, и когда я еще кое-что могу сделать полезное? Неужели мне вечно быть не то в подозреваемых, не то прямо во врагах без всякой с моей стороны вины?»²¹

Как и в предыдущих своих письмах Сталину Бухарин обращал внимание на нелогичность выдвинутых против него обвинений, призывал более критически отнестись к показаниям арестованных участников правой оппозиции. «Я не знаю всего дела во всех его элементах и составных частях. А у вас — все карты на руках, — молил он. — Посмотрите, ради бога, не действовал ли кто моим именем, как вывеской, помимо меня. Проверьте, что я с лета 1932 г. никого из бывших “своих” молодых или “углановских” не видал. Проверьте, что рютинской платформы, кроме как у тебя, я не видал и ни с кем ее не обсуждал... Вспомните, как Куликов “разоблачал” меня в рютинщине, до того, как была эта рютинская платформа. Вспомните старое: вспомните старую тактику Троцкого, его теорию “стравливания” членов ЦК, сознательную ядовитую тактику: чтоб все запутать, перессорить, стравить, запереть в бутылку! Подумайте, прошу, над вопросом: мог ли я, если бы занимался борьбой, плясать под рютинскую дудку, а не сам писать платформы?»²²

В конце письма Бухарин так же, как и ранее, присягал на верность сталинскому руководству большевистской партии, призывая к жестоким репрессиям против на его врагов. «Вычистить всех негодяев и расправиться с ними — необходимо беспощадно. Что тут говорить? Болезнь оказалась запущенной из-за излишней доверчивости — тоже верно. Враг оказался подлее, двоедушнее, хитрее и гнуснее во сто крат, чем можно было предполагать — тоже верно. Это все стало аксиомой. Но я то — в лагере вашем (нашем), а не ихнем»²³.

²¹ Там же.

²² Там же. Л. 2-3.

²³ Там же. Л. 4.

Поздним вечером предпоследнего дня 1936 года Бухарин получил целую папку протоколов допросов арестованных, проходивших по делу антисоветского троцкистского центра: Ю.Л. Пятакова, Г.Я. Сокольникова, К.Б. Радека, Н.И. Муралова, И.А. Князева. Ему можно было не реагировать на эти документы — лишь в протоколе допроса Пятакова от 23 декабря 1936 года имелись упоминания о нем, намекавшие на некую связь или контакт троцкистов и бухаринцев. Однако он решил не упустить случая, чтобы еще раз заявить руководству ВКП (б) о своей невинности и приверженности сталинской репрессивной политике. Поэтому внимательно прочитав протоколы допросов, сел писать свой отзыв на них Сталину, членам Политбюро ЦК ВКП (б) и наркому внутренних дел Ежову. «Нельзя без омерзения и безграничного негодования, — возмущался Николай Иванович, — читать про подвиги этих бывших людей, торгующих партией, страной, распродающих ее врагам. Убийцы и торговцы кровью страны — нет им имени. Особо ужасно было мне читать показания Радека, оказавшегося таким чудовищем. Что же стоит поиграть им честью (и даже жизнью) одного, другого, третьего, раз они играют в “мировом масштабе” свою кровавую игру?»²⁴

Обвинительная тирада Бухарина в адрес очередной группы троцкистов, которую готовили на заклание, своей уничижительной образностью явно превосходила самые резкие обвинительные выпады прокурора СССР Вышинского. При этом Николай Иванович не забывал про себя. «У этих троцкистов по сути дела одна установка, — говорил он: — белый террор, привод иностранных войск, распродажа социалистической родины и измена. Несмотря на страшную моральную тяжесть, испытываемую мной из-за гор клеветы этих кровавых собак, иногда мне делается просто смешно, что меня хотят так или иначе связать с такими людьми. Думаю, что и среди членов ПБ (Политбюро. — В.Т.) не найдется товарищей, которые всерьез могут меня заподозрить в таких установках»²⁵.

²⁴ Письмо Н.И. Бухарина И.В. Сталину и членам Политбюро ВКП(б). 1 января 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп.171. Д. 266. Л. 11.

²⁵ Там же.

Тот факт, что Бухарина стали знакомить с протоколами допросов обвиняемых по делу антисоветского троцкистского центра, внушал ему надежду на благоприятное разрешение его собственного дела. Последние слова его новогоднего письма Сталину и другим членам Политбюро звучали поэтому с некоторым оптимизмом: «Пишу в новогоднюю ночь и в новогодний день. Я прямо задыхаюсь от всей этой паутины, которой хотят злодеи залепить мне глаза и меня уничтожить. Но, несмотря на свою физическую слабость и нервное расстройство, я, пока жив, буду обороняться от клеветы и надеюсь, что правда победит»²⁶.

Тем временем завершалась подготовка судебного процесса над М.Н. Рютиным. Достойное в высшей степени поведение Мартемьяна Никитича на следствии сделало невозможным рассмотрение его дела в рамках открытого судебного разбирательства. Поэтому 9 января 1937 года Военная коллегия Верховного суда СССР вынесла определение, постановившее судить его в закрытом заседании на основании Указа ЦИК Союза ССР от 1 декабря 1934 года, который установил упрощенный порядок расследования и рассмотрения дел о террористических организациях и террористических актах против работников советской власти. Согласно ему разрешалось: обвинительное заключение вручать обвиняемым всего за одни сутки до рассмотрения дела в суде, дело слушать без участия сторон, не допускать кассационного обжалования приговоров и подачи ходатайств о помиловании, приговор к высшей мере наказания приводить немедленно по вынесении приговора.

Применить эти правила для рассмотрения дела М.Н. Рютина оказалось возможным, поскольку прокурор СССР Вышинский внес в формулу обвинения пункт, который ничем не подтверждался, то есть представлял собой явную ложь: «Рютин возглавлял одну из террористических групп, подготавливавшую террористический акт против руководства ВКП(б) и Советского правительства, высказывал желание лично принять участие в убийстве т. Сталина». Помимо этого, Мартемьян Никитич признавался в составленном Вышинским обвинительном заключении виновным в том, что на протяжении ряда

²⁶ Там же. Л. 24.

лет вел активную борьбу против руководства ВКП(б) и являлся руководителем созданной им контрреволюционной организации — так называемого «союза марксистов-ленинцев».

10 января 1937 года состоялось заседание Военной коллегии Верховного суда, на котором было рассмотрено дело М.Н. Рютина. Оно длилось всего 40 минут. Подсудимый не признал себя виновным и отказался от дачи каких-либо показаний по существу предъявленных ему обвинений. Этой линии поведения Мартемьян Никитич придерживался и во все время следствия. В заявлении Президиуму ЦИК Союза ССР от 11 ноября 1936 года он объяснил свою позицию следующими словами: «Будучи глубочайше убежден в своей невинности в том, в чем меня теперь обвиняют, находя это обвинение абсолютно незаконным, произвольным и пристрастным, продиктованным исключительно озлоблением и жаждой новой, на этот раз кровавой расправы надо мной, я, естественно, категорически отказался и отказываюсь от дачи всяких показаний по предъявленному мне обвинению. Я не намерен и не буду на себя говорить неправду, чего бы мне это не стоило»²⁷.

В результате Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила М.Н. Рютина к расстрелу. Через полтора часа после вынесения этого приговора Сталин избавился от самого стойкого, самого идейного и потому опасного своего противника.

Для Бухарина это была плохая новость. В числе выдвинутых против него обвинений одно из самых серьезных касалось его участия в написании памфлета «Сталин и кризис пролетарской диктатуры». Рютин мог помочь ему отвергнуть данное обвинение, поскольку Мартемьян Никитич никогда не отказывался от авторства в отношении этого антисталинского произведения. После расстрела Рютина никто больше не мог облегчить положение Бухарина.

В связи с этим любопытно, что в обвинительном заключении по делу М.Н. Рютина Вышинский указал, что Рютин являлся не автором, а **«соавтором** так называемой “Рютинской” к[онтр]р[еволюционной]

²⁷ Заявление арестованного М.Н. Рютина, адресованное Президиуму ЦИК СССР. 11 ноября 1936 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 254. Л. 67.

террористической платформы правых, созданной в 1932 году». Тем самым прокурором СССР была сохранена возможность обвинять Бухарина в ее написании.

11 января 1937 года по Бухарину был нанесен новый удар — ему передали для ознакомления тексты протоколов последних допросов Карла Радека и Ефима Цетлина. Николай Иванович увидел здесь просто убийственные показания против него бывших соратников. Сразу после их прочтения он отправил Сталину, членам Политбюро и наркому Ежову письмо, в котором не скрыл своего чрезвычайного возмущения и панического настроения:

«Дорогие товарищи! Только что получил подлые, все превосходящие, гнусно-жульнические, рафинированно-хитрые показания Радека и сумасшедший бред Цетлина. Прошу об очной ставке с Радеком в присутствии членов ПБ — и с вызовом на эту очную ставку моей жены, А. Лариной (она была при всех разговорах моих с Радеком после моего приезда из Азии: пусть Радек и ее видит), а также с Е. Цетлиным, если он вменяем.

Я поражен его клевете против меня и ничего подобного о том, что он говорит о себе, никогда от него не слыхал. А Радеку для его хозяев нужна моя голова, как частичная компенсация за провал их гнусного злодейства!

Сегодня и завтра я буду писать разбор этих подлостей, поскольку они поддаются разбору. Все обвинения я с возмущением и негодованием отвергаю, как кровавую клевету. С комм. прив. Н. Бухарин»²⁸.

В личном письме Сталину Бухарин попросил его присутствовать на очной ставке. «Иначе она не имеет для меня смысла, — приписал он. — Поток клеветы может задавить и задушить. Еще раз говорю тебе: ни в чем я не виноват. Слов больше сейчас нет»²⁹.

11 января 1937 года состоялся еще один весьма значимый для Бухарина допрос. Показания дал *Валентин Николаевич Астров* (1898–1993), выпускник находившегося под влиянием Бухарина Института

²⁸ Письмо Н.И. Бухарина И.В. Сталину и членам Политбюро ЦК ВКП(б). 11 января 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 270. Л. 1.

²⁹ Там же.

красной профессуры, входивший в конце 20-х годов в группу так называемых «молодых бухаринцев». Он был арестован еще в феврале 1933 года³⁰. Сначала его обвинили в участии в рютинской подпольной организации «Союз марксистов-ленинцев», но затем ему вменили, как и другим «молодым бухаринцам», участие в «контрреволюционной организации правых, ставившей своей целью активную борьбу с Советской властью и восстановление капиталистического строя в СССР» и проведение «активной контрреволюционной деятельности и контрреволюционной агитации, направленной в интересах международной буржуазии». Одним из главных оснований для выдвижения против группы «молодых бухаринцев» таких обвинений стали показания В.Н. Астрова³¹. Незадолго до своей смерти³² Валентин Николаевич в письме в газету «Известия» признался, что еще в апреле 1933 году ему «предложили подписать обязательство сообщать НКВД об антисоветских высказываниях или действиях» в окружающей его среде. Он не нашел возражений на это предложение и «безоглядно, не предвидя всех возможных последствий», ухватился за него, как «единственную доступную “ниточку”», хоть как-то связывающую его с партией, к которой, как он написал, «прирос с юношеских лет». При этом он утверждал: «Полностью требований рассказать о террористической деятельности “правых” я все-таки не выполнил, но “признал”, что “мы, правые” (не исключая самого себя), и “наши лидеры” якобы признали в принципе допустимыми террористические методы в борьбе против партийного руководства в будущем при обострении политической ситуации в стране»³³.

³⁰ В момент ареста, как следует из материалов уголовного дела, В.Н. Астров являлся старшим научным сотрудником Института истории Коммунистической академии.

³¹ Справка Комитета партийного контроля при ЦК КПСС и Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС «О так называемой “Антипартийной контрреволюционной группе правых Слепкова и других (“Бухаринская школа”)”» // Известия ЦК КПСС. 1990. № 2. С. 46–47.

³² В.Н. Астров умер 15 июля 1993 г.

³³ Астров В.Н. С меня следователи требовали показания // Известия. 1993. № 38. 27 февраля. Данное письмо В.Н. Астров написал в ответ на слова А.М. Лариной-Бухариной о нем из ее комментария к публикации в газете «Известия» (1992. № 226. 13 октября). Вдова Бухарина назвала Астрова одним из «профессиональных провокаторов», завербованным ОГПУ еще в конце 20-х годов. Также см.:

Как бы то ни было, постановлением Коллегии ОГПУ от 16 апреля 1933 года по делу об «антипартийной группе правых» В.Н. Астрову было назначено 3 года тюремного заключения, но 13 июня следующего года это наказание было заменено «ссылкой в Воронеж на оставшийся срок». В ноябре 1936 года он был вновь арестован и, очевидно, что на этот раз как человек, сотрудничавший с Бухариным и способный дать порочащие его показания.

Допрос В.Н. Астрова, состоявшийся 11 января 1937 года, начался со следующего вопроса следователей Главного управления государственной безопасности НКВД: «Вы подали заявление о готовности дать откровенные показания о деятельности контрреволюционной организации правых. Что вы намерены показать?» Астров, если судить по протоколу допроса, ответил: «Я хочу дать следствию откровенные показания. В 1933 году я был в Москве арестован ОГПУ и скрыл тогда от следствия целый ряд далеко не второстепенных фактов из нелегальной деятельности организации правых. Сейчас я намерен рассказать всю правду». «Что вы подразумеваете под этими «далеко не второстепенными фактами»? — спросили следователи. «Под этим я, прежде всего, подразумеваю, — дал ответ Астров, — террористическую работу правых. Я хочу рассказать как на протяжении ряда лет, начиная еще с того периода, когда организация правых только складывалась, как в этой организации формировались террористические настроения против руководителей партии и правительства, настроения, вылившиеся впоследствии в прямой переход к подготовке террористических актов. Я хочу, насколько мне позволит память, также показать как руководители организации правых, в особенности БУХАРИН, еще задолго до открытых выступлений против партии, упорно готовились к этому удару. Я хочу вскрыть нашу тактику в связи с двурушническими заявлениями в 1929 году об отказе от своих взглядов — тактику, существо которой состояло в маневре для

перегруппировки наших сил с целью продолжения борьбы с партией, борьбы, не прекращавшейся до последнего времени»³⁴.

2

Очные ставки, о которых Н.И. Бухарин просил лично Сталина и членов Политбюро после прочтения протоколов допросов Карла Радека и Ефима Цетлина, состоялись 13 января 1937 года в помещении Оргбюро ЦК ВКП (б). Николай Иванович надеялся, что продемонстрирует абсурдность выдвинутых против него обвинений, покажет, что ничего серьезного против Сталина не предпринимал, убедит его, что ни в кое мере не может быть для него опасен. Он совершенно не понимал, какую угрозу таил для Сталина, тогда как Сталин понимал это предельно ясно...

Помимо Сталина на очных ставках присутствовали члены Политбюро К.Е. Ворошилов, Н.И. Ежов, Л.М. Каганович, В.М. Молотов и Серго Орджоникидзе. Жена Бухарина А.М. Ларина, которую он просил вызвать на свою очную ставку с Карлом Радеком, не была на нее приглашена. 12 января Анна Михайловна направила Сталину письмо, в котором подтвердила слова мужа о том, что все разговоры Радека с Бухариным, пересказанные Радеком в искаженном содержании на допросе во время следствия, происходили в ее присутствии. «Вчерашние Радековские показания меня буквально ошеломили, — сообщала она Сталину, — поэтому я и решилась, все-таки, Вам написать. Я почти всегда бывала у Радека с Н.И. и хочу рассказать Вам, как этот негодяй себя вел.

Иосиф Виссарионович, Вы меня не знаете, видели когда-то совсем девочкой, наверное, и не помните, может, мои слова будут иметь мало значения. Но верьте, я Вам пишу от чистого, молодого комсомольского сердца, одну лишь правду, что я сама слышала и видела»³⁵.

³⁴ Протокол допроса Астрова Валентина Николаевича от 11 января 1937 года // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. С. 20–21.

³⁵ Письмо А.М. Лариной-Бухариной И.В. Сталину. [12 января 1937 г.] // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 270. Л. 122.

Описав обстоятельства, при которых состоялись разговоры Бухарина с Радеком и краткую их суть, Анна Михайловна попросила Сталина вызвать ее на очную ставку с Радеком, простодушно заявив: «Может, этот мерзавец хоть меня постесняется, хотя они все уже потеряли всякую совесть»³⁶. И с такой же непосредственностью сообщила про своего несчастного мужа: «Ник[олай] Ив[анович] в состоянии ужасном, он не спит, ни ест, уже 2 дня совсем ничего не ел. Ждет звонка из Вашего секретариата. Если бы Вы его вызвали, было бы хоть маленькое облегчение, он этого ждет с нетерпением. Я очень боюсь за его голову, по существу, его и теперь уж надо отправить в больницу, надо лечить, но разве при таком положении это можно сделать?»³⁷

Карл Радек повторил на очной ставке то, что говорил на допросах. Бухарин же заявил: «Все, что говорит Радек, — это абсолютная злостная клевета. Ни единого разговора относительно организации правых, ни единого разговора о терроре не было»³⁸. Присутствовавший на очной ставке Сталин спросил у бывшего троцкиста Радека: «Вы в этих показаниях излагаете несколько ваших встреч с Бухариным в 1934 году, когда Бухарин, как вы сообщаете, сказал о перспективе поражения СССР в войне, о блоке с правыми и о том, что поражение — это лучшая обстановка для прихода к власти. Все это добровольно вами сказано?»³⁹ «Да, совершенно добровольно», — поспешил с ответом Радек и пояснил: «Я не буду ручаться за то, что он сказал — лучшая обстановка. Но он сказал в этом смысле, реальная обстановка»⁴⁰.

После очной ставки Бухарина с Радеком была проведена его очная ставка с В.Н. Астровым. Валентин Николаевич повторил во время нее свои показания, данные двумя днями ранее следователям ГУГБ НКВД. При этом он воспроизвел не только порочащие Бухарина

³⁶ Там же. Л. 126.

³⁷ Там же.

³⁸ Стенограмма очной ставки К.Б. Радека с Н.И. Бухариным. 13 января 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 270. Л. 98.

³⁹ Там же. Л. 103.

⁴⁰ Там же.

и его соратников высказывания, но и сообщил, при каких обстоятельствах они произносились.

«— Когда впервые заговорили о террористических актах в отношении руководителей партии?, — спросил Ежов.

— Весной 1929 года, — ответил Астров.

— Каким образом это происходило?

— Слепков весной 1929 года рассказал мне, что в тот день утром, когда он мне рассказывал, к нему пришел, прибежал Бухарин, как он высказался. При этом он прибавил: ты знаешь Бухарина, когда ему что-нибудь загорится, когда возникает новая идея, ему не терпится поделиться этой идеей. Я спросил, в чем дело. Слепков ответил, что Бухарин ему сказал: хорошо если бы Сталин вдруг умер. Я спросил, как это вдруг умер, так не бывает, может быть, Сталин болен? Слепков ответил: нет, этого, кажется, нет. Так значит, чтобы Сталина убили? Слепков ответил: понимай как хочешь. Я спросил: значит, Бухарин предлагает нам заниматься террором? Слепков ответил: нет, прямо этого он не говорил. Я спросил, что, может быть, Бухарин хочет, чтобы мы занимались террором, но не хочет этого прямо сказать? Слепков ответил: должно быть так. Бухарин, как говорил Слепков, не в первый раз со мной заговаривает на эту тему, но я до сих пор думал, что это случайно. Теперь я вижу, что эта мысль упорно преследует Бухарина»⁴¹.

«— Когда вы, как член организации правых узнали о переходе к террору?

— Весной 1932 года.

— В ваших показаниях сказано, что в личной беседе с Бухариным он в прямой форме поставил вопрос о необходимости террора против тов. Сталина.

— Это было на охоте. Было ли это в 1931 или 1932, я как ни старался, не могу припомнить. Это было в районе Звенигорода, летом»⁴².

⁴¹ Стенограмма очной ставки В.Н. Астрова с Н.И. Бухариным. 13 января 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 270. Л. 53.

⁴² Там же. Л. 54.

«Вблизи Москвы?», — спросил Каганович. «Да», — ответил Астров и добавил: — «Особых политических разговоров на охоте не было. Я помню, что мы говорили о роли Сталина в партии. Бухарин сказал, что с точки зрения правых необходимо убрать Сталина. Бухарин мотивировал это тем, что кроме Сталина никто другой не сумеет так сплотить партию против правых в защиту той линии, которую партия ведет»⁴³.

После этого сообщения Астрова Сталин спросил у него, ставились ли центром правых подобные вопросы не на охоте, и получил следующий ответ: «Мне не известны все совещания и на каких именно заседаниях эти вопросы центром ставились. Весной 1932 года Слепков мне говорил (говорил он это со слов Бухарина, по его словам), что центр правых постановил перейти к тактике террора»⁴⁴. «Кто был в центре правых?» — решил уточнить Ворошилов. Астров назвал известные всем фамилии: «Бухарин, Томский, Рыков, Угланов», добавив при этом: «Что касается остальных, то я определенно не знаю. Рассказывали, что Рютин принимал участие в заседаниях, Мельничанский, Куликов»⁴⁵.

«— Вы платформу Рютина читали? — оживился Сталин.

— Не, лично я ее не читал, — ответил Астров.

— Она по представлению ваших товарищей была не связана с правыми или являлась результатом работы правых? — снова спросил Сталин.

— В начале сентября 1932 года, на квартире у Слепкова состоялось совещание группы правых, в котором участвовали Слепков и Марецкий, — пояснил Астров.

— Не помните, где это было, — уточнил Сталин.

— На квартире у Слепкова. Причем совещание состоялось не в комнате Слепкова, а в соседней комнате, где жили Беловы. На этом совещании участвовали: Слепков, Марецкий, Зайцев, Айхенвальд, я (Астров) и Арефьев. Слепков рассказал о содержании этой платформы и, в частности, сказал, что она содержит в себе требование

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. Л. 55.

⁴⁵ Там же.

применения всех средств борьбы против сталинского руководства, вплоть до террора. Он также сказал, что главными авторами этой платформы являются Бухарин, Рыков, Томский и Угланов и что в организации условлено, в случае провала этой платформы, объявить ее частным делом отдельных групп правых, именно группы Рютина. Вот то, что я знаю»⁴⁶.

В процессе очной ставки Астров поведал и о планах лидеров правых воспользоваться экономическими неурядицами для отстранения сталинской группировки от власти. Согласно его показаниям, зимой 1930 года Бухарин выступил на совещании правых с большой речью. «В этой речи он говорил, что весна 1930 года, в которую будет проводиться третья по счету хлебозаготовительная компания, считая с 1928 года, будет для сталинского партийного руководства самой грозной»⁴⁷, поскольку у крестьян, организованных в колхозы, хлеб забрать труднее, чем у индивидуальных крестьян. По свидетельству Астрова, Бухарин высказывал мнение, что «колхозники так легко хлеба не отдадут и осуществленная партийным руководством организация этих крестьян в конечном счете обернется против самого партийного руководства. Дело начнется с организованных отказов крестьян в хлебосдаче и неминуемо приведет к открытому восстанию крестьян. Деревенские коммунисты, сами крестьяне, примут участие в этом восстании. Рабочие в городах связаны с деревней. Восстание в той или иной мере перейдет в города, где большое количество коммунистов будет сочувствовать этому и в конечном счете присоединится и возглавит это восстание...»⁴⁸ Задача организации правых – сплотить свои кадры и подготовиться к тому моменту, когда правым придется стать во главе этих восстаний... Необходимо сохранить в партии правых до момента открытой борьбы»⁴⁹.

⁴⁶ Там же. Л. 56.

⁴⁷ Там же. Л. 57.

⁴⁸ Это многоточие стоит почему-то в самой стенограмме очной ставки Бухарина и Астрова.

⁴⁹ Стенограмма очной ставки В.Н. Астрова с Н.И. Бухариным. 13 января 1937 г. Л. 57.

Внимательно выслушав рассказ Астрова о намерении Бухарина прийти к власти на волне крестьянских восстаний, члены Политбюро поинтересовались, не говорилось ли на этом совещании правых что-либо о терроре. Астров ответил: «Дело происходило так, что в прямой форме это слово не произносилось, но те же самые слова звучали уже по-другому. Я отношу это к речи Бухарина»⁵⁰. Поясняя данное утверждение, Астров сообщил: «Бухарин сказал, что Сталина, как главную руководящую силу в партийном руководстве, в процессе этой борьбы придется устранить»⁵¹. За Бухариным выступал на совещании В.В. Кузьмин, который якобы сказал, что бухаринская перспектива рассчитана на слишком долгий срок и что «легче и скорее придти к власти, осуществив дворцовый переворот». После этих слов, Кузьмин, по воспоминаниям Астрова, «с бешеным озлоблением закричал: дайте мне револьвер, я убью Сталина», а Слепков, успокаивая своего разбушевавшегося соратника, заявил, что «ненависть к Сталину — священная ненависть», но «нельзя ее выражать так громко»⁵². Через несколько дней после этого случая на квартире Марецкого в присутствии Астрова и, согласно его рассказу, Бухарин говорил Кузьмину, что «законное желание убить Сталина нельзя выражать там, где присутствует много людей, так как об этом может узнать ГПУ»⁵³.

Когда Бухарину была предоставлена возможность ответить на эти утверждения, он произнес: «Все, что рассказал Астров относительно совещаний, я просто не припомню. Не могу взять на себя смелости сказать, где это происходило. Совещания действительно были в 1928–1929 году. Это был период оппозиционной борьбы с партией. Но никогда не было разговоров относительно открытых восстаний и ни разу не говорилось относительно террора. Ни в частных разговорах, ни на охоте, ни на квартирах, ни на дачах, нигде этого разговора не было. Это возмутительная вещь, когда Астров говорит, будто я

⁵⁰ Там же. Л. 58.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

передал ему директиву о терроре. До какой достоевщины нужно дойти, чтобы говорить такие вещи»⁵⁴.

Бухарин согласился, что действительно стремился сохранить кадры правых в партии. «Нужно было иметь кадры, которые должны были помочь правым и держаться у власти, — сказал он. — это была контрреволюционная установка, но она была»⁵⁵. Астров, по признанию Бухарина, занимал довольно высокий ранг в организации правых. «Я должен сказать, какая организация была в то время, — заметил он. — В первый этаж входили люди более теоретически развитые, посвящаемые во все дела. Я их неоднократно информировал, что происходит в ЦК. Во второй этаж входили люди не столь доверенные, которые не были посвящены во всю политическую кухню. В первый этаж входил Астров и поэтому он знал, что происходило в партийных кругах»⁵⁶.

Сообщая это, Бухарин еще и еще раз повторял, что «не ориентировался на обострение», то есть на использование в своих целях массовых возмущений крестьянского населения. «Я не отрицаю, — говорил он, — что в 1928–1929–1930 году я вел настоящую оппозиционную борьбу с партией. Я был вовсе не в восторге от руководства. У меня было чувство злобы. Я считал, что меня несправедливо обходят. Я могу припомнить сколько угодно разных словечек, которые я говорил по поводу руководства и это, вероятно, будет на 100% правда. Но ни разу, в самые острые моменты я не ставил ставку ни на гражданскую войну, ни на террор. Эти мысли мне даже в голову не приходили»⁵⁷.

Признав существование в конце 1920-х – начале 1930-х годов довольно многочисленной, разветвленной, с филиалами по всей стране, иерархически устроенной, ориентированной на борьбу за власть организации правой оппозиции, Бухарин ничего не возразил против сообщений Астрова о том, что такая организация продолжала существовать и в 1933-м, 1934-м, 1935-м и даже в 1936 году⁵⁸.

⁵⁴ Там же. С. 62.

⁵⁵ Там же. С. 63.

⁵⁶ Там же. С. 63–64.

⁵⁷ Там же. Л. 73–74.

⁵⁸ Там же. Л. 61–62.

Подтвердив свое неоднократное участие в совещаниях правых, Бухарин ничего не сказал о том, что на самом деле на них обсуждалось. Поэтому его утверждение о том, что он не слышал во время этих совещаний каких-либо разговоров о терроре и захвате власти правыми путем «дворцового переворота», не выглядело убедительным.

Таким образом, очными ставками с бывшими соратниками, давшими на допросах в высшей степени порочившие его показания, Бухарин не только не очистился, но еще более себя дискредитировал. Это ясно выразили реплики Сталина и присутствовавших на очной ставке членов Политбюро. «Ты нас только дураками не считай, — сказал Сталин Бухарину. — Мы не очень умные люди, но и не такие дураки, как ты думаешь. Не может быть, чтобы о террористических настроениях группы или твоей бывшей школы, людей, которых ты воспитал, любил, которые тебя учителем называли, — не может быть, чтобы ты не знал об их террористических настроениях. Но ты об этом ничего не сообщил. Не верю я этому. И, во-вторых, не может быть, чтобы не интересовался ты, если даже и не писал, рютинской платформой. 1932 год, идет шум, самый кризисный период, будут или не будут колхозы, очень многие сомневаются, самый критический период... Не может быть, чтобы в этот период ты не интересовался рютинской платформой»⁵⁹. В этом мнении Сталина поддержал и Серго Орджоникидзе, по-доброму относившийся к Бухарину. «Сталин тебе правильно говорит, что ты отрицаешь то, чего не стоило бы отрицать»⁶⁰, — заметил он.

Николай Иванович и сам понял, что битву на очных ставках, прошедших 13 января 1937 года разгромно проиграл. Мрачное настроение, в котором он в тот день возвратился домой, подвигло первую его супругу Надежду Михайловну Лукину-Бухарину снова обратиться к Сталину. В письме, написанном вечером 13 января, она взывала о спасении своего бывшего мужа: «Дорогой Иосиф Виссарионович! Вокруг головы Ник. Ив. Бухарина разыгрываются чрезвычайно острые политические и иные страсти. Он — на волосок

⁵⁹ Там же. Л. 76.

⁶⁰ Там же. Л. 78.

от того, что подлейшие клеветники, потерявшие образ и подобие человеческого, — какая-то волчья стая (о которых странно теперь думать, что они несколько месяцев тому назад назывались коммунистами, — такова уж ирония истории!), — буквально затюкают его, если до того он не впадет в психическое расстройство от этого потока клеветы»⁶¹.

Больше всего Лукину-Бухарину возмутили показания Ефима Цетлина. Назвав их в своем письме к Сталину «лживыми», она отметила, что эти показания «производят странное впечатление. Ими Бухарин, человек, которому абсолютно чужды какие-либо террористические настроения, сделан отцом идеи террора в борьбе с партией (даже до Троцкого!) и якобы главным организатором правых террористических групп»⁶².

Надежда Михайловна пыталась убедить Сталина в абсурдности выдвинутых против Бухарина обвинений. «Ужас берет, когда видишь, что плетется относительно него теперь! — восклицала она в конце письма. — Много у него перед партией грехов. Но не террорист он, и не изменник социалистической родины, которая смолodu была его целью. Любит он ее всею душою. Слишком тяжело, непомерно тяжело видеть надвигающуюся трагическую его гибель в то время, когда он (после всех своих ошибок) всецело с партией...»⁶³.

23 января 1937 года открылся процесс по делу антисоветского троцкистского центра, Во время допросов подсудимых в судебных заседаниях государственный обвинитель Вышинский настойчиво интересовался их контактами с Бухариным и с другими лидерами правой оппозиции. «Какие у вас были разговоры с Бухариным?» — спросил он Карла Радека на утреннем заседании 24 января. «Если это касается разговоров о терроре, то могу перечислить конкретно, — ответил Радек. — Первый разговор был в июне или июле 1934 года, после перехода Бухарина для работы в редакцию “Известий”. В это время мы с ним заговорили, как члены двух контактирующихся центров. Я его спросил: “Вы встали на террористический путь?” Он

⁶¹ Письмо Н.М. Лукиной-Бухариной И.В. Сталину. 13 января 1937 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 270. Л. 44.

⁶² Там же.

⁶³ Там же. Л. 47.

сказал: “Да”. Когда я его спросил, кто руководит этим делом, то он сказал об Угланове и назвал себя, Бухарина»⁶⁴.

«— Дальше какие у вас были разговоры? — продолжал допрос Вышинский.

— Бухарин мне сообщил, что у них в центре многие думают, что было бы легкомыслием и малодушием на основе результатов убийства Кирова отказываться вообще от террора, что, наоборот, нужно перейти к планомерной, продуманной, серьезной борьбе, от партизанщины — к плановому террору. По этому вопросу я говорил в июле 1935 года и с Бухариным, и с Пятаковым, и с Сокольниковым»⁶⁵.

Г.Я. Сокольников на вечернем заседании 24 января на вопрос Вышинского о переговорах объединенного троцкистско-зиновьевского центра с правыми дал следующий ответ: «Я знаю, что Каменевым велись переговоры с Бухариным и Рыковым; знаю, что Зиновьев и еще кто-то, сейчас не помню, вели переговоры с Томским и Углановым. В этих переговорах была установлена общность основных программных вопросов и общность тактических установок, в частности, принятие террористического способа борьбы»⁶⁶.

18 февраля 1937 года ушел из жизни Серго Орджоникидзе, единственный из того состава Политбюро ЦК ВКП (б), относившийся к Бухарину с уважением и вполне способный по своему независимому характеру заступиться за него. Вряд ли это заступничество спасло бы Николая Ивановича, но подготовку судебного процесса над ним явно усложнило бы. Открытие Пленума ЦК ВКП (б), в повестке которого первым вопросом стояло «Дело тт. Бухарина и Рыкова», назначенное первоначально на 19 февраля, было в связи с кончиной Орджоникидзе перенесено на 23 февраля.

За три дня до начала работы Пленума Бухарин завершил работу над текстом многостраничного заявления ко всем его участникам. В сопроводительном письме к этому документу, направленном в тот же день в Политбюро, он сообщил: «Дорогие товарищи! Пленуму ЦК я послал “Заявление” почти на 100 страницах, из двух частей, с ответом

⁶⁴ Процесс антисоветского троцкистского центра (23–30 января 1937 года). М., 1937. С. 55–56.

⁶⁵ Там же. С. 56.

⁶⁶ Там же. С. 71.

на тучу клевет, содержащихся в показаниях. Я в течение очень короткого срока должен был проделать эту работу, и она поэтому не претендует на полноту. Но она дает отпор грязному потоку.

Я в результате всего разбит нервно окончательно. Смерть Серго, которого я горячо любил, как родного человека, подкосила последние силы. Положение, в которое поставила меня клевета, когда я не могу ни радоваться вместе с моими товарищами по партии, вместе со всей страной (Пушкинские дни), ни печалиться и скорбеть над телом Серго, есть положение невыносимое, я его больше терпеть не могу»⁶⁷.

Не имея сил избавиться от иллюзий, все еще надеясь вызвать у своих бывших соратников сострадание к себе, Бухарин настойчиво пытался достучаться до них: «Я вам еще раз клянусь последним вздохом Ильича, который умер на моих руках, моей горячей любовью к Серго, всем святым для меня, что все эти терроры, вредительства, блоки с троцкистами и т. д. — по отношению ко мне есть подлая клевета, неслыханная. Жить больше так я не могу. Ответ клеветникам я написал. Прийти на Пленум я физически и морально не в состоянии: у меня не ходят ноги, я не способен перенести созданной атмосферы, я не в состоянии говорить, рыдать я не хочу, впасть в истерику или обморок — тоже, когда свои будут поносить меня на основании клевет. Ответ мой должен быть прочитан, и я прошу вас его распространить. В том положении, когда я, будучи всем сердцем со всеми вами, рассматриваюсь многими уже, как отщепенец и враг, мне остается только: или быть реабилитированным или сойти со сцены»⁶⁸.

По решению Политбюро машинописные тексты письма и заявления Бухарина были перед самым началом работы Пленума размножены и разосланы всем его участникам.

Заявление всем членам Пленума представляло собой подробный ответ Н.И. Бухарина на порочившие его показания троцкистов и правых. Николай Иванович составил этот документ из двух частей. Первую часть назвал: «Троцкистско-зиновьевские лжесвидетели»,

⁶⁷ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года. [Письмо Бухарина в Политбюро ЦК ВКП(б) и его заявление пленуму ЦК]. 20 февраля 1937 г. // Вопросы истории. 1992. № 2–3. С. 5.

⁶⁸ Там же. С. 6.

посвятив ее характеристике и разбору показаний Карла Радека, Пятакова, Сокольникова, Сосновского. Вторую — «Правые лжесвидетели». В этой части разбирались показания Куликова и Цетлина, а также выдвинутое в адрес Бухарина обвинение в причастности к написанию так называемой рютинской платформы.

Свою защиту от обвинений в терроризме и вынашивании замысла государственного переворота перед членами партийным Пленумом Бухарин построил так, будто стоял перед судьями. «В клеветах о терроре и “дворц[овом] перевороте”, — заявлял он, — характерно также то, что здесь вполне отсутствуют технические подробности: неизвестно, как же, какими средствами и т. д. должны были быть произведены акты; если готовился дворцовый переворот, то неизвестно, какие войсковые части, какие люди и с кем были связаны; кто готовил выступления; почему дело провалилось; какие были силы; где было оружие; кто должен был командовать и т. д. Это указывает на литературно-клеветнический характер показаний»⁶⁹.

А вот обвинения в причастности к созданию рютинской платформы Бухарин старался опровергнуть совсем не юридическими аргументами, а полагаясь на знание членами Центрального комитета ВКП (б) его натуры. «Повторяю здесь то же, что говорил раньше, — утверждал он: — я рютинскую платформу видел только в ЦК, когда мне ее показал Сталин. Если бы я был против партии, я сам бы писал платформу, а не ходил бы по рютинской. Рютина я видел только в самом начале оппозиции, потом он отошел и исчез, и я ни разу его нигде не видел и никаких “указаний” ему давать не мог»⁷⁰.

Завершая письмо-заявление всем членам Пленума ЦК, Бухарин, как и в начале его, старался представить свою персону жертвой клеветнической компании, развязанной троцкистами. «Я в данном письме, — подводил он итог своим попыткам защитити себя, — даю критический разбор всех основных клевет троцкистов и их правых подпевал. На примере особенно Цетлина, Зайцева и др. я показываю, насколько жалки приемы, фальшивы аргументы, низка клевета и с этой стороны. К чему ни прикоснись, все кровавая, плохо сделанная

⁶⁹ Там же. С. 39.

⁷⁰ Там же. С. 29.

клевета. Я стою против нее один: у меня нет ни достаточного материала, ни аппарата, ни помощников. Но я уверен, что если бы у меня были люди и несколько месяцев времени, я бы обнаружил целый мир дикого клеветнического вранья и не оставил бы без удовлетворительного ответа ни одного вопроса. Однако, я полагаю, что и то, что я предлагаю вниманию ЦК ВКП(б), является материалом, разбивающим самые основные клеветнические положения моих троцкистско-зиновьевских и правых обвинителей... Слава наших органов заключается не только в том, что они разыскивают виновных, но и что они охраняют невиновного. Нет ничего зазорного в том, что кто-то подозреваемый и подозревавшийся оказывается невинным. Доказательство этого и помощь этому доказательству есть дело несколько не менее славное, чем обнаружение и наказание действительного врага.

Я довольно настрадался по милости врагов нашей страны и прошу ЦК положить конец этим незаслуженным страданиям»⁷¹.

Письмо Бухарина членам Пленума ЦК не произвело на них того впечатления, на которое он рассчитывал. Его почти стостраничный текст, переданный всем участникам Пленума буквально накануне первого заседания, вряд ли кто-то из них прочитал, разве что просмотрел. А.И. Микоян выразил мнение, если не всех членов ЦК, то подавляющего их большинства, когда сказал в своем выступлении о бухаринских письмах в ЦК: «Он говорит: “Вот, я написал вам 100 страниц, прочтите”. Разве обсуждение на Пленуме ЦК состоит в том, что один написал, другой ответил, и этим решается вопрос? А почему вас не интересовало и не интересуется, что скажет докладчик, что скажут члены Центрального Комитета, которые выступают и обсуждают вопрос?.. Он потом прислал другое письмо, сегодня. Вообще он забрасывает письмами, думает, что ЦК только и должен делать, что все время читать его письма. Это тоже из арсенала Троцкого. Троцкий ничего не делал и требовал, чтобы читали его бесконечные письма. Это тоже средство борьбы против партии»⁷².

⁷¹ Там же. С. 42–43.

⁷² Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП (б) 1937 года. 23 февраля 1937 г. Вечернее заседание // Вопросы истории. 1992. № 3–4. С. 17.

С главным докладом по делу Бухарина и Рыкова выступил при открытии Пленума, на его вечернем заседании 23 февраля, нарком внутренних дел Ежов. Он сообщил членам ЦК, что расследование деятельности правых было произведено, по его мнению, «с достаточной тщательностью и объективностью». В различных городах, различными следователями, в разное время были опрошены десятки активнейших участников организации правых, которые в разное время и в разных местах подтвердили одни и те же факты. «Многие из активнейших участников организации правых, и в частности, такие ближайшие друзья Бухарина, его ученики, как Ефим Цетлин, Астров, сами изъявили добровольное согласие рассказать Наркомвнуделу и партийному органу всю правду об антисоветской деятельности правых за все время их существования и рассказать все факты, которые они скрывали во время следствия в 1933 году». Для объективности проверки показаний на следствии были проведены очные ставки Бухарина с Пятаковым, Радеком, Сосновским, Куликовым, Астровым в присутствии Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова, Орджоникидзе, Микояна. «Все присутствовавшие на очной ставке члены Политбюро ЦК неоднократно ставили перед всеми арестованными троцкистами и правыми вопрос, не оговорили ли они Бухарина и Рыкова, не показали ли лишнего на себя. Все из арестованных целиком подтвердили свои показания и настаивали на них»⁷³.

Вывод, сделанный наркомом внутренних дел по результатам проведенного его ведомством расследования по делу Бухарина и Рыкова, был похож на смертный приговор, вынесенный судом. «Таким образом, товарищи, — заявил Ежов, — мы считаем, что документальный и следственный материал, которым мы располагаем, не оставляет никаких сомнений в том, что до последнего времени существовала и действовала антисоветская организация правых, члены которой, подобно троцкистам и зиновьевцам, ставили своей задачей свержение советского правительства, изменение существующего в СССР советского общественного и государственного устройства. Подобно троцкистам и зиновьевцам, они встали на путь

⁷³ Там же. С. 4.

прямой измены родине, на путь террора против руководителей партии и советского правительства, на путь вредительства и диверсий в народном хозяйстве. Из этих же материалов следствия и документов вытекает, что виновность Бухарина и Рыкова вполне доказана, виновность в тягчайших преступлениях против партии и государства, которые им предъявлялись на предыдущем пленуме и о которых я собираюсь докладывать сейчас»⁷⁴.

После Ежова с докладом по делу Бухарина и Рыкова от имени Политбюро выступил А.И. Микоян. Затем Пленум заслушал речи Бухарина и Рыкова.

Николай Иванович снова попытался опровергнуть выдвинутые против обвинения, обратить внимание Пленума на их голословность, многочисленные противоречия, нестыковки в показаниях, данных против него, поэтому стал оспаривать утверждения Ежова и Микояна. В словесной перепалке со слушателями, сопровождавшей его выступление, Бухарин вдруг проявил редкую для себя твердость, бросив с вызовом в зал: «Никто меня не заставит говорить на себя чудовищные вещи, которые обо мне говорят, и никто от меня этого не добьется ни при каких условиях. Какими бы эпитетами меня ни называли, я изображать из себя вредителя, изображать из себя террориста, изображать из себя изменника, изображать из себя предателя социалистической родины не буду». Сталин отреагировал на эти слова спокойным замечанием: «Ты не должен и не имеешь права клепать на себя. Это самая преступная вещь»⁷⁵. Выступлением Бухарина первый день работы Пленума завершился.

На втором его заседании, проходившем вечером 24 февраля, слово для защиты было предоставлено А.И. Рыкову. Он так же, как и Бухарин, отрицал обвинения в терроризме, в создании центра правой оппозиции с Бухариным и Томским, в контактах с троцкистами и зиновьевцами. «Я террористом никогда не был и никогда не буду, что бы со мной кто ни делал. Это коренным образом противоречит всем моим убеждениям и всей моей совести»⁷⁶, — говорил Алексей

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же. С. 36.

⁷⁶ Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП (б) 1937 года. 24 февраля 1937 г. Вечернее заседание // Вопросы истории. 1992. № 6-7. С. 9.

Иванович. При этом он признал, что не снимает с себя ответственности «за то, что целый ряд изменников, преступников, вредителей ориентируются на него и думают, что он их вдохновитель»⁷⁷.

Вместе с тем Рыков сказал и о том, что не считает невиновными и своих соратников. Свое мнение о Бухарине и Томском он якобы изменил, когда познакомился с показаниями против арестованных троцкистов и правых. «Раз уж о Томском речь зашла, — сказал он, — то я должен сказать, что все показания, с которыми я познакомился, они меня лично совершенно убедили в полной виновности Томского»⁷⁸. «В отношении Бухарина у меня тоже, признаюсь откровенно, колебания были... Когда я прочитал всю эту грудку материалов, я уже набросал черновик записки Ежову о том, что такого дыму без огня не бывает»⁷⁹.

Член Политбюро К.Е. Ворошилов, касаясь этих весьма странных даже для противников Бухарина и Томского публичных признаний Рыкова, сказал ему в своем выступлении на Пленуме: «Вы — ловкий адвокат. Я считал Бухарина ловким адвокатом, оказалось, Бухарин — щенок по сравнению с вами. Бухарин просто глупо, огульно все отрицает. А вы на 50% обмазали Бухарина, на 75% обмазали вашего покойного друга, на покойника все можно валить, и себя немножко подмазали, подмалевали. И получается для людей, неискушенных в борьбе, для людей лопоухих, извините за грубое выражение, почти правдоподобная картина. Бери человека под ручку и иди с ним чай пить. А на деле совсем, по-моему, выглядит по-другому вся эта история»⁸⁰. Члены ЦК, слушая Ворошилова, смеялись.

Выступавший на заседании Пленума вечером 24 февраля, член Политбюро А.А. Андреев своими оценками правой оппозиции также фактически приговаривал ее лидеров к смерти. Он утверждал, что следственные материалы, предоставленные всем членам Пленума, «окончательно разоблачают правых», они «со всей очевидностью

⁷⁷ Там же. С. 16.

⁷⁸ Там же. С. 11.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП (б) 1937 года. 24 февраля 1937 г. Вечернее заседание // Вопросы истории. 1992. № 6-7. С. 28.

указывают на то, что в течение нескольких лет правые шли той же дорожкой, как шли троцкисты. Не было между троцкистами и правыми никакой разницы в том, что как троцкисты, так и правые полностью сохранили свои кадры, имели целую систему законспирированных организаций во главе со своим центром и с местными организациями в областях. Нет разницы между троцкистами и правыми и в программных вопросах. Не было этой разницы. Все они сходились на непримиримости к социалистической политике партии и в отношении сельского хозяйства, и в отношении промышленности. Все они сходились — теперь это ясно — на реставраторской программе и в отношении отказа от социалистической индустриализации, и в отношении роспуска, ликвидации колхозов и совхозов в сельском хозяйстве»⁸¹.

Секретарь ЦК ВКП (б) Л.М. Каганович выступил на вечернем заседании Пленума 25 февраля. Он занимался делом лидеров правой оппозиции по партийной линии, поэтому был хорошо знаком с материалами следствия. «Бухарин и Рыков, — заявил Лазарь Моисеевич, — оказались бессильными привести на этом пленуме сколько-нибудь серьезные доводы в свою защиту. Опять повторялись голые отрицания, голые заявления о том, что верьте нам, или же попытки вылавливать те или иные случайные формальные противоречия для того, чтобы на этом строить свою защиту. Вместо того, чтобы прийти к пленуму, если ты думаешь, что ты прав, что ты невиновен, прийти к пленуму и выложить прежде всего факты своей положительной деятельности и факты своей положительной принципиальной политической линии, как они выглядели в жизни на протяжении всего периода борьбы. Это самый убедительный довод. Вместо этого они повторяют: я не я, и лошадь не моя. И это не случайно. Не случайно потому, что у них ничего положительного нет, а есть только отрицательные факты их деятельности, которые целиком подтверждают показания всех их бывших единомышленников, которые все, как один, свидетельствуют, что Бухарин, Рыков и Томский, начиная с 1928 г., с момента оформления правой

⁸¹ Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП (б) 1937 года. 25 февраля 1937 г. Утреннее заседание // Вопросы истории. 1992. № 8–9. С. 3–4.

оппозиции, до 1936 г. представляли собой руководящий центр фактически новой нелегальной партии, партии контрреволюционной, которая блокировалась с другими контрреволюционными организациями, которая имела свою платформу и видоизменяла и приспособливала эту платформу к различным нуждам того или иного периода»⁸².

В своей речи на Пленуме Каганович привел весьма любопытную характеристику Бухарина, высмеивающую присущую лидеру правой оппозиции нерешительность. Эта характеристика была дана Николаю Ивановичу его сторонником Владимиром Васильевичем Кузьминым (1905–1937) — тем самым, который, по показаниям Астрова и других арестованных, кричал после одного из выступлений Бухарина на совещании правых: «Дайте мне револьвер, я убью Сталина». По словам Кагановича, на допросе Кузьмин откровенно признал, что он враг Сталина, а о Бухарине сказал: «Точно также он не знал... не то власть брать, не то ехать на охоту». Слушатели засмеялись, а Лазарь Моисеевич добавил: «Это его ученик, но тем не менее это характерно, когда человек не знает, не то брать власть, не то ехать на охоту. Она отнюдь не уменьшает того вреда, который приносит этот человек»⁸³.

На вечернем заседании 27 февраля выступил Сталин. Он сообщил от имени комиссии Пленума по делу Бухарина и Рыкова: «В комиссии не было никаких разногласий насчет того, чтобы мерой наказания Бухарина и Рыкова считать, и притом как минимум, исключение их из состава кандидатов в члены ЦК и из рядов ВКП(б). В комиссии не нашлось ни одного голоса, который высказался бы против этого предложения. Были разногласия по вопросу о том, предать ли их суду или не предавать, а если не предавать суду, чем ограничиться. Часть членов комиссии высказалась за то, чтобы предать их суду Военного трибунала и добиться того, чтобы они были расстреляны. Другая часть комиссии высказалась за то, чтобы предать их суду и добиться того, чтобы им был вынесен приговор о заключении в тюрьму на 10 лет. Третья часть высказалась за то, чтобы предать их суду без

⁸² Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП (б) 1937 года. 25 февраля 1937 г. Вечернее заседание // Вопросы истории. 1992. № 10. С. 23–24.

⁸³ Там же. С. 35.

предрешиения вопроса о том, каков должен быть приговор. И, наконец, четвертая часть комиссии высказалась за то, чтобы суду не предавать, а направить дело Бухарина и Рыкова в Наркомвнудел. Последнее предложение одержало верх.

В результате комиссия единогласно приняла решение о том, чтобы исключить их из состава кандидатов в члены ЦК и из рядов ВКП(б) и направить дело Бухарина и Рыкова в Наркомвнудел»⁸⁴.

Объяснив мотивы принятия такого решения Комиссией, Сталин зачитал текст предложенного ею проекта резолюции Пленума ЦК ВКП (б) по делу Бухарина и Рыкова. Голосованием присутствовавших на Пленуме членов ЦК ВКП (б), кандидатов в члены ЦК и членов Комиссии партийного контроля резолюция была принята при двух воздержавшихся — Бухарина и Рыкова. В ней констатировалось, что Пленум, «на основании следственных материалов НКВД, очных ставок Бухарина с Радеком, Пятаковым, Сосновским и Сокольниковым в присутствии членов Политбюро и очной ставки т. Рыкова с Сокольниковым, а также всестороннего обсуждения вопроса на Пленуме», установил, «как минимум, что тт. Бухарин и Рыков знали о преступной террористической, шпионской и диверсионно-вредительской деятельности троцкистского центра и не только не вели борьбы с ней, а скрыли ее от партии, не сообщив об этом в ЦК ВКП(б), и тем самым содействовали ей»; «знали об организации преступных террористических групп со стороны их учеников и сторонников... и не только не вели борьбы с ними, но поощряли их»⁸⁵.

Записку Бухарина в ЦК ВКП (б), в которой он пытался опровергнуть показания арестованных «троцкистов и правых террористов», Пленум признал «клеветническим документом, который не только обнаруживает полное бессилие т. Бухарина опровергнуть показания троцкистов и правых террористов против него, но под видом адвокатского оспаривания этих показаний делает клеветнические выпады против НКВД и допускает не достойные

⁸⁴ Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП (б) 1937 года. 27 февраля 1937 г. Вечернее заседание // Вопросы истории. 1994. № 1. С. 12.

⁸⁵ Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП (б) 1937 года. 27 февраля 1937 г. Вечернее заседание. «Дело тт. Бухарина и Рыкова». Резолюция Пленума ЦК ВКП(б) по докладу т. Ежова // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 23.

коммуниста нападки на партию и ее ЦК»⁸⁶. Ввиду этого Пленум решил, что «записку т. Бухарина нельзя рассматривать иначе, как совершенно несостоятельный и не заслуживающий какого-либо доверия документ»⁸⁷.

Вместе с тем Пленум счел необходимым принять во внимание, что «и при жизни Ленина т. Бухарин вел борьбу против партии и против самого Ленина как до Октябрьской революции (вопрос о диктатуре пролетариата), так и после Октябрьской революции (Брестский мир, программа партии, национальный вопрос, профсоюзная дискуссия), что т. Рыков также вел борьбу против партии и против самого Ленина как до Октябрьской революции, так и во время Октябрьского восстания (был против Октябрьской революции), равно как после Октябрьского переворота (требовал коалиции с меньшевиками и эсерами и в виде протеста покинул пост Наркомвнудела, за что получил от Ленина кличку штрейкбрехера), что с несомненностью говорит о том, что политическое падение тт. Бухарина и Рыкова не является случайностью или неожиданностью»⁸⁸.

В заключительной части резолюции было объявлено: «Пленум ЦК ВКП(б) считает, что тт. Бухарин и Рыков заслуживают немедленного исключения из партии и предания суду Военного Трибунала. Но исходя из того, что тт. Бухарин и Рыков в отличие от троцкистов и зиновьевцев не подвергались еще серьезным партийным взысканиям (не исключались из партии), Пленум ЦК ВКП(б) постановляет ограничиться тем, чтобы: 1) Исключить тт. Бухарина и Рыкова из состава кандидатов в члены ЦК ВКП(б) и из рядов ВКП(б). 2) Передать дело Бухарина и Рыкова в НКВД»⁸⁹.

3

Принятое на вечернем заседании 27 февраля 1937 года постановление Пленума ЦК ВКП (б) об исключении Н.И. Бухарина и А.И. Рыкова из состава кандидатов в члены ЦК ВКП(б) и из рядов ВКП(б) и передаче их дела в НКВД по своему значению было аналогично ордеру на их арест. После объявления результатов

⁸⁶ Там же. С. 23–24.

⁸⁷ Там же. С. 24.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же.

голосования по этому постановлению заседание Пленума было закрыто. Николай Иванович и Алексей Иванович покинули зал в сопровождении конвоя. Подготовка судебного процесса над ними перешла в новую стадию.

Основанием для ареста Бухарина и Рыкова послужили показания их бывших соратников, позволившие сделать вывод о том, что оба они не только знали о «преступной террористической, шпионской и диверсионно-вредительской деятельности» троцкистского центра и не вели борьбы с нею, но даже поощряли ее. Однако для организации открытого судебного процесса одних таких показаний было недостаточно. Требовались еще и собственные признания обвиняемых в преступлениях. Считалось, что без них судебный процесс не мог стать по-настоящему показательным. Получить от Бухарина и Рыкова признания в совершении инкриминировавшихся им деяний было главной задачей следственного аппарата НКВД после их ареста.

Любопытно, что прокурор СССР А.Я. Вышинский в своих публичных выступлениях резко порицал ставшую распространенной тенденцию строить следствие исключительно «на собственном признании обвиняемого». В речи, произнесенной 3 марта на утреннем заседании Пленума ЦК ВКП (б), Андрей Януарьевич назвал такую практику «основным недостатком» в работе следственных органов НКВД и органов прокуратуры Советского государства. «Наши следователи, — с укором говорил он, — очень мало заботятся об объективных доказательствах, о вещественных доказательствах, не говоря уже об экспертизе. Между тем центр тяжести расследования должен лежать именно в этих объективных доказательствах. Ведь только при этом условии можно рассчитывать на успешность судебного процесса, на то, что следствие установило истину»⁹⁰. Если все дело строится лишь на собственном признании обвиняемого, то «это представляет значительную опасность», — подчеркивал он, имея в виду, что в случае отказа обвиняемого на самом процессе от ранее принесенного признания дело может провалиться. «Мы здесь тогда

⁹⁰ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года. 3 марта 1937 года. Утреннее заседание // Вопросы истории. 1995. № 2. С. 11.

оказываемся обезоруженными полностью, так как, ничем не подкрепив голое признание, не можем ничего противопоставить отказу от ранее данного признания»⁹¹, — предупреждал прокурор СССР.

Поддержав высказанное в речи на Пленуме наркомом внутренних дел Ежовым мнение о громадном значении агентуры в «работе чекистских органов», Вышинский подверг критике следственное производство в НКВД и прокуратуре: «Задача прокуратуры заключается в том, чтобы, когда заканчивается агентурная разработка и дело уже переходит в стадию следствия, проверить следственное производство и обеспечить направление в суд доброкачественных и полноценных следственных материалов. Качество следственного производства у нас недостаточно, и не только в органах НКВД, но и в органах Прокуратуры. Наши следственные материалы страдают тем, что мы называем в своем кругу “обвинительным уклоном”. Это тоже своего рода “честь мундира”, если уж попал, зацепили, потащил обвиняемого, нужно доказать во что бы то ни стало, что он виноват. Если следствие приходит к иным результатам, чем обвинение, то это считается просто неудобным. Считается неловко прекратить дело за недоказанностью, как будто это компрометирует работу... Благодаря таким нравам вместо действительного виновника на скамью подсудимых иногда попадают люди, которые впоследствии оказываются или виновными не в том, в чем их обвиняют, или вовсе невиновными»⁹².

В подтверждение негативной оценки следственного производства Андрей Януарьевич привел цифры, которые кажутся применительно к тому времени в высшей степени удивительными. «Ведь известно, — сказал он, — что у нас около 40% дел, а по некоторым категориям дел — около 50% дел, кончаются прекращением, отменой или изменением приговоров»⁹³.

Такое состояние следственного производства прокурор СССР назвал болезнью и напомнил, что против нее «была еще в 1933 г.

⁹¹ Там же.

⁹² Там же. С. 12.

⁹³ Там же. С. 12-13.

направлена инструкция 8 мая». Он имел в виду секретную директиву-инструкцию ЦК ВКП (б) и СНК СССР о прекращении массовых выселений крестьян, упорядочении производства арестов и разгрузке мест заключения, направленную «всем партийно-советским работникам и всем органам ОГПУ, суда и прокуратуры» за подписями председателя Совета Народных Комиссаров СССР В. Молотова (Скрябина) и секретаря ЦК ВКП(б) И.Сталина. Этот документ осуждал широко распространившуюся на местах практику необоснованных арестов и доводил до сведения местных партийных и государственных органов мнение ЦК и СНК о том, что нужды в массовых репрессиях больше нет, что «метод массовых и беспорядочных арестов, если только можно считать его методом, в условиях новой обстановки дает лишь минусы, роняющие авторитет Советской власти, что производство арестов должно быть ограничено и строго контролируемо соответствующими органами, что аресты должны применяться лишь к активным врагам Советской власти»⁹⁴. Данная инструкция относилась непосредственно лишь к политике советского государства по отношению к крестьянам, однако Вышинский придал ей более широкое значение. «В чем заключается основная мысль этой инструкции? Она заключается в том, чтобы предостеречь против огульного, неосновательного привлечения людей к ответственности», — сказал он в речи на Пленуме, констатировав при этом, что «до сих пор инструкция 8 мая выполняется плохо, что недоброкачественные действия отдельных должностных лиц не встречали должного отпора со стороны старого руководства НКВД и тогда, когда прокуратура об этом сигнализировала т. Ягоде»⁹⁵.

Покритиковав производство следствия в НКВД, Вышинский признал, что и прокурорский надзор за следствием является очень слабым. Главной причиной этой слабости он назвал засоренность аппарата прокуратуры троцкистами и в качестве подтверждения

⁹⁴ Директива-инструкция ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О прекращении массовых выселений крестьян, упорядочении производства арестов и разгрузке мест заключения. 8 мая 1933 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5-ти томах. Том 3. Конец 1930– 1933. М., 2001. С. 747.

⁹⁵ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года. С. 13.

этому привел конкретные факты, указав, что за последнее время «одних прокуроров арестовано 20 человек», что благодаря материалам, которые прокуратура СССР получила от НКВД, в рядах прокуратуры обнаружены «троцкисты, предатели, и в значительном количестве. Таковы, например, бывший генеральный прокурор Украины, бывший наркомюст Михайлин, его помощник Бенедиктов, бывший киевский прокурор Старовойтов, бывший прокурор Днепропетровской области Ахматов, зам. прокурора АЗК Петренко и другие»⁹⁶. «Это все троцкистская агентура, сидевшая в нашем аппарате. И естественно, с такими людьми не было никакой возможности правильно осуществлять надзор, правильно бороться за социалистическую законность»⁹⁷, — заключил Вышинский.

В конце своей речи на Пленуме прокурор СССР заверил Центральный комитет ВКП (б), что органы прокуратуры выполнят требования партии и справятся с возложенной на них задачей, решительно очистив свои ряды «от негодных, подлых людей, от предателей и изменников»⁹⁸.

Архивные документы показывают, что кадровая чистка в системе прокуратуры действительно приняла самый решительный характер.

11 февраля 1937 года Вышинский сообщил секретарю ЦК ВКП (б) И.В. Сталину и председателю СНК СССР В.М. Молотову: «Вчера, 10-го февраля, покончил самоубийством бывший прокурор Одесской области Турин А.Н. По предварительным данным самоубийство Турина связано с происходящей сейчас проверкой его партийного прошлого и связи его с троцкистами»⁹⁹.

13 марта того же года прокурор СССР доложил в ЦК ВКП (б) и в СНК: «Мною получено сообщение прокурора Казахской ССР о том, что 9-го марта покончил жизнь самоубийством областной прокурор Западно-Казахстанской области Акжаров. По материалам Областного

⁹⁶ Там же. С. 13–14.

⁹⁷ Там же. С. 14.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Сообщение прокурора СССР А.Я. Вышинского о самоубийстве бывшего прокурора Одесской области А.Н. Турина. 11 февраля 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 884. Л. 46.

управления НКВД, Акжаров обвинялся в смазывании трех уголовных дел»¹⁰⁰.

3 апреля 1937 года Вышинский направил Сталину и Молотову следующую информацию: «При проверке сведений, поступивших в Прокуратуру Союза относительно принадлежности к троцкистской к/р организации работающего в Прокуратуре Союза в должности прокурора уголовно-судебного отдела Викторова А.В. обнаружилось, что в его анкетах содержится ряд вымышленных данных, относящихся к периоду пребывания его на Украине во время деникинщины. На квартире Викторова обнаружены документы, подтверждающие связь Викторова с германским консульством. В виду этого, а также имеющихся против Викторова А.В. указаний о принадлежности его к троцкистской к/р организации, по моему распоряжению Викторов А.В. от должности прокурора отстранен и в отношении его начато расследование. Викторов А.В. в настоящее время арестован»¹⁰¹.

27 апреля 1937 года Вышинский послал в ЦК ВКП (б) и в СНК СССР следующее сообщение: «Доношу, что 17 апреля с.г., в 2 часа дня выстрелом из револьвера покончил жизнь самоубийством помощник прокурора Карельской АССР Линдгвист Тойво Матвеевич. Никаких писем или записок о причинах самоубийства не обнаружено. В органах Прокуратуры Линдгвист работал с 1927 года, член ВКП (б) с 1918 года»¹⁰².

С 15 по 19 марта 1937 года проходило совещание актива прокуратуры Союза ССР, РСФСР, Москвы и области. В своем выступлении на этом совещании Вышинский предельно отчетливо и в довольно жестких выражениях обозначил цель своей кадровой политики, заявив: еще «не выкорчеван старый недобрый порядок, при

¹⁰⁰ Сообщение прокурора СССР А.Я. Вышинского о самоубийстве прокурора Западно-Казахстанской области Акжарова. 13 марта 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 884. Л. 48.

¹⁰¹ Сообщение прокурора СССР А.Я. Вышинского об отстранении и аресте прокурора Уголовно-Судебного отдела Прокуратуры СССР А.В. Викторова. 3 апреля 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 82. Оп.2. Д. 884. Л. 49.

¹⁰² Сообщение прокурора СССР А.Я. Вышинского о самоубийстве прокурора Карельской АССР Т.М. Линдгвиста. 27 апреля 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 884. Л. 58.

котором каждый местный прокурор считал себя маленьким удельным князьком... В Западной Сибири сидит хан Барков, в Московской области — удельный князь Филиппов, в РСФСР — исполняющая обязанности герцогини Нюрина. Каждый чувствует себя самостоятельным, автократичным. Это означает, что наша прокуратура все еще не представляет собою стройной, систематически и планомерно работающей организации, подчиняющейся единому командованию и действующей по единому плану»¹⁰³.

3 июня 1937 года на имя Сталина было направлено анонимное письмо, в котором приводились факты, порочившие самого прокурора СССР: Андрей Януарьевич обвинялся, как это ни удивительно, в потворстве врагам народа. Автор письма, представившаяся как «маленький работник прокуратуры», сообщала, не называя своего имени, что узнала от одного из сотрудников Вышинского о решении дать ордена, в связи с приближающимся юбилеем прокуратуры¹⁰⁴, таким работникам, как Нюрина¹⁰⁵, Рогинский¹⁰⁶, Сегал¹⁰⁷ и др. «Как же можно это допустить, — с возмущением писала она Сталину, — до каких же пор эти люди будут Вас обманывать. Ведь весь наш аппарат знает, что Нюрина связана со своим братом, подлым врагом народа Петровским¹⁰⁸ — террористом.

¹⁰³ Цит. по: *Звягинцев А.Г.* Жизнь и деяния видных российских юристов. Взлеты и падения. М., 2008. С. 251.

¹⁰⁴ Под «юбилеем прокуратуры» данном случае имеется в виду дата 16 июня 1937 г., когда исполнялось ровно пятнадцать лет со дня опубликования Постановления 3-й сессии ЦИК 9-го созыва под названием «Положение о прокурорском надзоре», в первом пункте которого провозглашалось: «Учредить в составе Народного Комиссариата Юстиции Государственную Прокуратуру». Именно этой дате была посвящена юбилейная статья Г.М. Сегала «Пятнадцать лет советской прокуратуры» в 6-м, июньском, номере за 1937 год печатного органа Прокуратуры СССР журнала «Социалистическая законность» (1937. № 6. С. 1-7)

¹⁰⁵ *Фаина Ефимовна (Эфроимовна) Нюрина-Нюренберг*, урожденная Липец, являлась в то время исполняющей обязанности прокурора РСФСР.

¹⁰⁶ Имеется в виду второй заместитель прокурора СССР *Григорий Константинович Рогинский* (1895–1959).

¹⁰⁷ Имеется в виду старший помощник прокурора СССР главный прокурор ж.-д. транспорта *Герман Михайлович Сегал* (1897–1937).

¹⁰⁸ Имеется в виду старший брат Ф.Е. Нюриной *Давид Александрович (Эфроимович) Петровский-Липец* (1886–1937), занимавший до своего ареста в марте 1937 г. пост

Все мы знаем, что заместитель Вышинского – Рогинский был неразлучным другом и покровителем террориста Сахова¹⁰⁹, расстрелянного¹¹⁰; также всем известна его дружба с арестованным членом Верхсуда террористом Берманом и проч. Дальше, транспортный прокурор Сегал – его отец в 1928 г. уехал при помощи этого прокурора в Гамбург или Ганновер и оказался невозвращенцем. Он остался в фашистской Германии, имеет там банкирскую контору и к нам возвращаться не желает. Можно точно установить, что этот банкир выбрался исключительно при помощи своего сынка, с которым до сих пор поддерживает письменную связь. Награждаются орденами еще ряд таких же людей. ДОПУСТИМО ЛИ ЭТО?»¹¹¹

В конце письма анонимная разоблачительница врагов народа патетически восклицала: «Клянусь памятью моей матери, клянусь моей любовью к тебе, тов. Сталин, что все это ПРАВДА, ПРИКАЖИ ПРОВЕРИТЬ И ЭТИ ЛЮДИ БУДУТ БЕЗ ТРУДА РАЗОБЛАЧЕНЫ. Я хотела пойти рассказать Вышинскому об этом, но не решилась. Я думаю, что и его обманывают. Если заявление дойдет до тебя, тов. Сталин, прикажи, чтобы меня вызвали через “Правду”. Мне стыдно, что у меня не хватает мужества сразу назвать свою фамилию, но я боюсь, клянусь тебе, не за себя, а за своих крошек-деток. Ведь они могут со мною расправиться, а ты и знать не будешь»¹¹².

Трудно сказать, какую роль сыграло это анонимное письмо в судьбе высших должностных лиц прокуратуры, но исполнявшую обязанности прокурора РСФСР Ф.Е. Нюрину Вышинский критиковал еще на мартовском совещании актива прокуратуры СССР. И на совещании прокурорского актива, состоявшемся 5 июня 1937 г., снова

начальника Главного управления высших и средних технических учебных заведений наркомата тяжелой промышленности СССР. 10 сентября 1937 г. он был осужден Военной коллегией Верховного суда СССР за контрреволюционную деятельность к расстрелу.

¹⁰⁹ Имеется в виду *Борис Наумович Сахов* (1900–1937), занимавший до своего ареста 25 декабря 1934 г. вместе с Г.Е. Зиновьевым, Л.Б. Каменевым и др. по делу так называемого «Московского центра» должность прокурора Северного края в г. Архангельске.

¹¹⁰ В оригинале написано: «расстрелянным» – это явная опечатка. – В.Т.

¹¹¹ Анонимное письмо о работниках прокуратуры т.т. Нюриной, Рогинском и др. 3 июня 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 884. Л. 79.

¹¹² Там же.

обрушился на нее с критикой. «Сейчас Прокуратура Союза ССР вместе с административно-политическим отделом ЦК партии всесторонне проверяют работу Прокуратуры РСФСР, — сообщил он. — Прямо надо сказать, с опозданием мы занялись этим делом, значительно раньше надо было это сделать. Мы провели там совещание с активом, мы вскрыли целый ряд крупнейших недостатков, проводим там некоторую реорганизацию, меняем кое-каких людей, и надеюсь, что в результате этого ряд недостатков, которые имеются в работе Прокуратуры РСФСР, будет устранен. А недостатки там такие, за которые приходится краснеть. В самом деле, в Прокуратуре РСФСР было обнаружено десять мешков с жалобами и заявлениями, даже, говорят, с делами»¹¹³. Фаина Ефимовна попыталась оправдаться, но Андрей Януарьевич в ответ сказал в своем заключительном слове, что она, «вместо большевистского признания ошибок, занимается подтасовкой фактов, защитой чести своего “мундира”, совершенно неосновательно полагая, что в Прокуратуре РСФСР все в порядке». «Я знаю, — продолжил он свою критику, — что у нас в работе Прокуратуры Союза ССР имеются огромные недостатки, о которых мало говорят — раз в месяц на активе, но о которых надо говорить, хотя и скромно, без крика, без шума, без рекламы, но с настойчивостью, преодолевая постепенно волокиту, бюрократизм, гнилье. А самовлюбленность т. Нюриной тем более опасна, что она ни на чем не основана, что работа прокуратуры все еще крайне неудовлетворительна»¹¹⁴.

¹¹³ Актив Прокуратуры Союза ССР. 5 июня 1937 г. // Социалистическая законность. 1937. № 7. С. 89.

¹¹⁴ Там же. С. 93. Спустя два месяца после этого совещания Ф.Е. Нюрина была уволена из прокуратуры. 26 апреля 1938 г. ее арестовали, инкриминировав участие в антисоветской организации, якобы существовавшей в системе прокуратуры. Данное обвинение основывалось на показаниях арестованных к тому времени руководителей правоохранительных органов: наркома юстиции СССР Н.В. Крыленко, заместителя Прокурора СССР Г.М. Леплевского, помощника прокурора РСФСР В.М. Бурмистрова. 29 сентября 1938 г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Ф.Е. Нюрину к расстрелу, несмотря на то, что виновной она себя не признала.

* * *

Февральско-мартовский Пленум ЦК ВКП (б) ознаменовал собой окончательный разгром левой (троцкистской) и правой (бухаринской) оппозиции внутри коммунистической партии как политической силы. Арест Н.И. Бухарина и А.И. Рыкова, осуществленный без какого-либо протеста со стороны членов высшего органа коммунистической партии, означал, что лидеры правых стали рассматриваться в качестве не политических деятелей, а всего лишь обвиняемых в совершении уголовных преступлений. Вышинский использовал эту политическую победу для полного развенчания доктрин советской юридической науки, соответствовавших идеологическим воззрениям левых и правых течений в ВКП (б).

Самым талантливым и ярким выразителем таких доктрин был автор многочисленных научных трудов по теории и истории государства и права, международному праву, хозяйственному праву *Евгений Брониславович Пашуканис* (1891–1937). С 1931 года он занимал должность директора Института советского строительства и права Коммунистической академии¹¹⁵, а с ноября 1936 года — пост заместителя наркома юстиции СССР. 20 января 1937 года Евгений Брониславович был арестован по обвинению в участии в антисоветской террористической организации правых.

Наиболее полное и системное изложение своих воззрений на сущность права и характер правовых категорий Е.Б. Пашуканис дал в книге «Общая теория права и марксизм. Опыт критики основных юридических понятий», вышедшей первым изданием в 1924 году, вторым, исправленным и дополненным, изданием в 1926-ом и третьим — в 1927 году. Выпуская в свет данное произведение, автор смотрел на него всего лишь как на материал для дискуссии о природе права, однако на практике оно стало использоваться в качестве учебного пособия на юридических факультетах. Для анализа правовой

¹¹⁵ Постановлением ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 7 февраля 1936 г. было признано «целесообразным» ликвидировать Коммунистическую академию и передать ее учреждения, институты и основных работников в Академию Наук СССР. 5 октября того же года Институт советского строительства и права был Постановлением Президиума АН СССР переименован в Институт государственного права.

надстройки общества Евгений Брониславович взял на вооружение, как сам отметил в предисловии ко второму изданию книги, Марксову методологию анализа «формы товара и связанной с ним формы субъекта»¹¹⁶. Признав вслед за Карлом Марксом, что «чистое натуральное хозяйство не может явиться предметом политической экономии как самостоятельной науки», что «только товарно-капиталистические отношения образуют впервые предмет политической экономии как особой теоретической дисциплины, пользующейся своими специфическими понятиями», Пашуканис констатировал: «Аналогичные соображения можно всецело применить к общей теории права. Те основные юридические абстракции, которые порождаются развитым юридическим мышлением и представляют собой ближайшие определения юридической формы вообще, отражают собой определенные и притом весьма сложные общественные отношения»¹¹⁷.

Применение Пашуканисом в исследовании сущности правовой формы общественных отношений Марксовой методологии анализа формы товара закономерно привело его к следующим заключениям:

— «Только буржуазно-капиталистическое общество создает все необходимые условия для того, чтобы юридический момент в социальных отношениях достиг полной определенности»¹¹⁸.

— «Основные черты буржуазного частного права суть в то же время наиболее характерные определяющие черты правовой надстройки вообще»¹¹⁹.

— «Отмирание категорий (именно категорий, а не тех или иных предписаний) буржуазного права отнюдь не означает замены их новыми категориями пролетарского права, так же как отмирание стоимости, капитала, прибыли и т.д. при переходе к развернутому социализму не будет означать появление новых пролетарских категорий стоимости, капитала, ренты и т.д.»¹²⁰

¹¹⁶ Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм. Опыт критики основных юридических понятий. 2-е испр. и дополн. издание. М., 1926. С. 5.

¹¹⁷ Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм. Издание 3-е. М., 1927. С. 18-19.

¹¹⁸ Там же. С. 19.

¹¹⁹ Там же. С. 7.

¹²⁰ Там же. С. 22.

– «Отмирание категорий буржуазного права в этих условиях будет означать отмирание права вообще, т.е. постепенное исчезновение юридического момента в отношениях людей»¹²¹

– «Поэтому форма права как таковая не таит в себе в нашу переходную эпоху тех неограниченных возможностей, которые открывались в ней для буржуазно-капиталистического общества на заре его рождения. Наоборот, она временно замыкает нас в свои узкие горизонты. Она существует только для того, чтобы окончательно исчерпать себя»¹²².

Эти выводы означали отрицание даже просто возможности существования социалистического типа права. Правовая система Советского государства представлялась в их свете буржуазной по своей социальной сущности правовой надстройкой, обреченной на постепенное отмирание. В связи с этим принижались ценность закона и значение законности для существования Советского государства, умалялась роль юристов в жизни советского общества. Пашуканис утверждал, что усиление по мере развития социализма государственного руководства экономикой «в порядке подчинения общему хозяйственному плану» не включает в себе «никаких перспектив для процветания юридического ремесла»¹²³.

Основной задачей марксистской юридической теории Пашуканис в полном соответствии со своими воззрениями на сущность права и его судьбу при социализме считал изучение процессов «отмирания частно-правовых моментов в юридической надстройке и, наконец, постепенное, обусловленное этими основными процессами выветривание самой юридической надстройки в целом»¹²⁴.

Именно на эти доктрины обрушился с жесточайшей критикой весной 1937 года прокурор СССР Вышинский. Они выражали скорее идеологические, нежели научные взгляды, поэтому их легко можно было связать с политическими идеями левой и правой партийной оппозиции. В статье *«Против антимарксистских теорий права»*,

¹²¹ Там же.

¹²² Там же. С. 82.

¹²³ Там же. С. 81.

¹²⁴ Там же. С. 82.

опубликованной 9 апреля 1937 года в газете «Правда» и перепечатанной с дополнениями, в более объемном варианте, под названием «К положению на фронте правовой теории» в майском номере журнала «Социалистическая законность» за 1937 год, вместе с текстами выступлений на Пленуме ЦК ВКП (б) И.В. Сталина и В.М. Молотова, Андрей Януарьевич заявил: «Лженаучные позиции Пашуканиса и его группы переплетались с реставраторскими “теориями” троцкизма и правых (в особенности с антиленинскими взглядами Бухарина). Истоки ликвидаторских “теорий” Пашуканиса и его компании — в авгиевых конюшнях опознания и извращения марксизма меньшевистскими теоретиками II Интернационала. Все это прикрывалось громкими словами о критике буржуазной науки права, шумом и громом словесных заклинаний. На деле же систематически протаскивалась буржуазно-реставраторская, троцкистско-бухаринская контрабанда»¹²⁵. Любопытно, что в новом варианте данной статьи, напечатанном позднее в изданной юридическим издательством Наркомата юстиции СССР брошюре, фраза «лженаучные позиции Пашуканиса и его группы переплетались с реставраторскими “теориями” троцкизма и правых» была заменена на более категоричное заявление: «Лженаучные позиции Пашуканиса и его группы в области права целиком и полностью определялись контрреволюционными реставраторскими “теориями” троцкизма и правых»¹²⁶ (выделено мною. — В.Т.).

Своим стилем и частично содержанием статья «Против антимарксистских теорий права (К положению на фронте правовой теории)» была более похожа на обвинительную речь прокурора в суде, чем на критическое научное произведение. «Пашуканис и его приспешники, — заявлял Вышинский, — превратили Советский научно-исследовательский институт в хлев, где процветали отвратительные нравы семейственности и групповщины. Неудобные и неудобные работники отшивались, вся работа была монополизирована “артелью” тесно спянных людей. Зажим

¹²⁵ Вышинский А.Я. Против антимарксистских теорий права // Правда. 1937. № 98 (7064). 9 апреля. С. 2. Вышинский А.Я. К положению на фронте правовой теории // Социалистическая законность. 1937. № 5. С. 31.

¹²⁶ Вышинский А.Я. К положению на фронте правовой теории. М., 1937. С. 5.

самокритики, подхалимство, взаимное восхваление, взаимная амнистия при разоблачении чьих-либо ошибок, “вождизм” — все это свило себе здесь пышное гнездо»¹²⁷.

Подобные заявления Вышинского в адрес Пашуканиса давали основание считать, что Андрей Януарьевич столь резко выступал против него потому, что испытывал к нему личную неприязнь как к ученому правоведа, имевшему огромный авторитет среди своих коллег. По слухам, ходившим в московской академической среде в середине 1930-х годов, Евгений Брониславович отвечал Вышинскому такой же сильной неприязнью. Об этих слухах вспомнил в своих мемуарах А.А. Громько. В приведенной в них заметке под названием «Пашуканис против Вышинского» бывший министр иностранных дел СССР рассказал: «Когда в 1936 году я оказался в стенах Академии наук СССР, то, не являясь специалистом в области юриспруденции, часто встречал правоведа, которые хорошо знали Пашуканиса и давали ему самую высокую оценку как ученому-юристу. Знал я его и лично. На протяжении ряда лет между ним и Прокурором СССР А. Я. Вышинским существовала самая настоящая вражда. Я редко встречал людей, которые высказывались бы одобрительно о взглядах Вышинского. Зато труды Пашуканиса оценивались высоко»¹²⁸.

Взаимная вражда между прокурором СССР и директором Института советского строительства и права скорей всего действительно существовала или, во всякой случае, имелась почва для слухов о ней. Но вот объяснение, которое было дано этой вражде в мемуарах А.А. Громько, является ложью. Оно отражает миф, который был распространен в среде советской интеллигенции в после- сталинскую эпоху и сделался особенно популярным во второй половине 1980-х годов, во время так называемой «перестройки». Согласно легенде, однажды, после того как Пашуканис прочитал лекцию, один из слушателей задал ему вопрос: «Как вы оцениваете кредо Вышинского: признание — царица доказательства вины?», на что Пашуканис якобы ответил: «К истине иногда ведет долгий путь,

¹²⁷ *Вышинский А.Я.* Против антимарксистских теорий права. С. 2. *Вышинский А.Я.* К положению на фронте правовой теории // Социалистическая законность. 1937. № 5. С. 31.

¹²⁸ *Громько А.А.* Памятное. Кн. 1. М., 1990. С. 66.

даже тогда, когда обвиняемый, кажется, сложил оружие и ему нечего больше привести в доказательство своей правоты». Рассказывая об этом случае, А.А. Громько счел необходимым пояснить: «Такой ответ, конечно, не представлял собой категоричное осуждение позиции Вышинского, но ведь надо учесть, что тогда было за время. В судебных процессах меч карал не тех, кто совершал преступления в угоду культуре личности, а тех, кто искал справедливости. С той кафедры ответ Пашуканиса прозвучал все же как вызов организаторам необоснованных репрессий. Перед учеными-правоведами встал вопрос, с кем они. Пашуканис не покривил душой. Свою принципиальность, научную добросовестность он не стал приносить в жертву антинаучной преступной концепции, которой присягнул Вышинский. Жестоко за это поплатился честный ученый Евгений Брониславович Пашуканис — своей жизнью. Позже я узнал, что труды Пашуканиса высоко оценивались и за рубежом. Специфика тогдашней советской действительности не помешала ученым других стран увидеть в работах Пашуканиса много ценного для мировой юридической науки, особенно по общей теории права, а также по истории права и политических учений»¹²⁹.

В действительности формула «признание — царица доказательства вины» не составляла «кредо» А.Я. Вышинского и не за противодействие этой концепции, названной в мемуарах Громько «антинаучной» и «преступной», поплатился Пашуканис своей жизнью. На самом деле в лице Вышинского и Пашуканиса в очередной раз столкнулись между собой — причем предельно жестко (можно сказать: не на жизнь, а на смерть) — два разных течения в юридической науке и правовой идеологии Советского государства: **государственническое и революционное.**

Первым заметным проявлением их враждебности друг другу стала дискуссия, разгоревшаяся весной 1935 года между прокурором СССР А.Я. Вышинским и наркомом юстиции РСФСР Н.В. Крыленко¹³⁰. В 1937 году противоречия между этими двумя

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ См. об этой дискуссии: *Томсинов В.А.* Андрей Януарьевич Вышинский (1883—1954), государственный деятель и правовед. Статья 9 // Законодательство. 2018. № 4. С. 87–94. Статья 10. № 5. С. 79–86. Любопытный факт: Е.Б. Пашуканис был

вариантами советской правовой идеологии и течениями советской юридической науки выразились в значительно более острой форме и в более глубоком содержании. Поэтому неудивительно, что объектом критики со стороны Вышинского стали произведения Пашуканиса, написанные десять лет тому назад и даже больше. Андрей Януарьевич как будто решил подвергнуть ревизии все научное творчество Евгения Брониславовича и его сторонников.

«Основная идея книжки Пашуканиса “Общая теория права и марксизм”, — отмечал прокурор СССР в статье «Против антимарксистских теорий права (К положению на фронте правовой теории)», — выражена в краткой формуле, объявляющей право формой буржуазного общества, “формой общения эгоистических, обособленных субъектов, носителей автономного частного интереса или идеальных собственников”. Рассматривая право исключительно как буржуазную категорию, субъекта права — то есть носителя, обладателя права — как товаровладельца, а правовые отношения как отношения товаровладельцев, частных собственников, Пашуканис все правовые понятия и в советском обществе выводил из характера товарно-денежного, капиталистического хозяйства. Отсюда Пашуканис приходил к утверждению, что право в наиболее развитом виде возможно только в буржуазном обществе»¹³¹.

Приведя в подтверждение этих слов цитату из книги Пашуканиса, Вышинский счел вполне уместным пояснить: «Нетрудно открыть корни этой враждебной марксизму концепции. Пашуканис пришел к большевикам после долголетнего пребывания в меньшевистской партии. Он принес с собой груз меньшевистского псевдомарксизма»¹³². Андрей Януарьевич как будто совсем забыл, что и сам являлся когда-то меньшевиком — более того, не очень-то и спешил стать членом большевистской партии даже после того, как большевики захватили государственную власть. Он явно стремился

другом Н.В. Крыленко и явно не случайно стал в ноябре 1936 г. его заместителем в руководстве наркомата юстиции СССР.

¹³¹ Вышинский А.Я. Против антимарксистских теорий права. С. 3. Вышинский А.Я. К положению на фронте правовой теории // Социалистическая законность. 1937. № 5. С. 35.

¹³² Там же.

развенчать Пашуканиса и как ученого, и как идеолога-марксиста, поэтому не просто критиковал его за те или иные взгляды на сущность права, но и обвинял как обвиняют преступника.

В доктринальных построениях Пашуканиса Вышинский увидел не только упрощенное понимание природы правовых институтов или форм, но и опасное для существования любого государства принижение роли закона. «Отрицая социалистический характер советского права, Пашуканис выбрасывает вон и советские законы, советские кодексы»¹³³, — возмутился прокурор СССР в статье «К положению на фронте правовой теории», приводя в ней высказывание директора Института советского строительства и права о невозможности применять в Советском государстве Гражданский, Земельный или Трудовой кодексы.

В докладе на партийном собрании работников прокуратуры, состоявшемся 3 мая 1937 года, Вышинский изложил это мнение более подробно. «По Пашуканису, — сказал он, — отмирание категорий буржуазного права отнюдь не означает замены их новыми категориями пролетарского права... Если стать на подобного рода точку зрения, то должно стать совершенно непонятным такое явление, как наша новая Конституция, которая является закреплением роли и значения также и “юридического момента” в нашем обществе, является свидетельством громадной роли в социалистическом обществе революционной, социалистической законности. По Пашуканису получается, что чем дальше развивается социалистическое общество, тем все меньше и меньше становится роль закона и права, а следовательно, и Конституции как основного закона нашего государства. В государстве переходного периода (каким является государство эпохи диктатуры пролетариата), по Пашуканису, действуют нормы буржуазного права, и самое это право — тоже буржуазное. Самая форма закона, по Пашуканису, возможна только в обществе, где политическая власть противопоставляет себя экономической власти, которая отчетливее всего выступает как власть

¹³³ Вышинский А.Я. К положению на фронте правовой теории // Социалистическая законность. 1937. № 5. С. 36.

денег. Следовательно, самый закон возможен только там, где властвуют деньги. Так как в нашей стране власти денег нет, то следовательно, закону у нас нет места, а наша законность у нас переживает период заката, увядания»¹³⁴.

Вышинский был убежден в чрезвычайной опасности доктрин Пашуканиса для Советского государства. При этом он понимал, что идеи отмирания права при социализме, несовместимости законов и законности с сущностью пролетарского государства, вредности полноценной кодификации права имеют немало приверженцев среди советских правоведов и спустя два десятилетия после Октябрьской революции.

4

Революционное течение в советской юридической науке, провозглашавшее неизбежность отмирания права при социализме и придававшее закону лишь роль инструмента в политике пролетарского государства, до второй половины 1930-х годов являлось доминирующим. Оно сформировалось в первые годы существования Советского государства в противовес доктринам буржуазного права.

Первоначально революционный подход к праву был предельно упрощенным. Его суть сформулировал заместитель наркома юстиции РСФСР П.И. Стучка¹³⁵ в статье «Пролетарское право», опубликованной в 1919 году. «Понимая право в буржуазном смысле, – указывал большевистский правовед, – мы о пролетарском праве и говорить не можем, ибо цель самой социалистической революции заключается в упразднении этого права, в замене его новым социалистическим порядком. Для буржуазного правоведа слово “право” неразрывно связано с понятием государства, как органа охраны, орудия принуждения в руках господствующего класса. С падением или, правильнее, *отмиранием* государства естественно падает, *отмирает* и право в буржуазном смысле. О пролетарском же праве мы можем говорить лишь как о *праве переходного времени*,

¹³⁴ Вышинский А.Я. Положение на правовом фронте // Советское государство. 1937. № 3–4. С. 38.

¹³⁵ С 4 декабря 1918 г. до 3 января 1920 г. Петр Иванович (Петерис Янович) Стучка занимал в дополнение к своим должностям в РСФСР пост главы правительства Латвийской социалистической советской республики.

периода диктатуры пролетариата, или уже о праве социалистического общества в совершенно новом смысле этого слова, ибо с устранением государства, как органа угнетения в руках того или иного класса, взаимоотношения людей, социальный порядок будут регулироваться не принуждением, а сознательной доброй волей трудящихся, т.е. всего нового общества»¹³⁶.

От революционного понимания сущности права и взгляда на закон как на инструмент государства П.И. Стучка не отказался и спустя десятилетие после революции. В первом томе «Курса гражданского права», вышедшем двумя изданиями в 1927 и 1928 годах, он признал: «О гражданском праве серьезно мы заговорили лишь в 1922 г., когда мы ввели в практику *гражданские законы*. Своей теории гражданского права у нас еще нет. Но вместе с тем нам пришлось установить и другое: необходимость *отмирания гражданского права* и всякого права вообще по мере перехода от социализма к коммунизму, проделывая ту же диалектику, как переход от государства к негосударству (слова Ленина), т.-е. от права переходного периода социалистического строительства к *не-праву*, к отсутствию, отмиранию всякого права, как ненужного»¹³⁷. В полном соответствии со своими революционными воззрениями на право и закон Петр Иванович утверждал, что, применяя метод, который называется ныне «революционным марксизмом или ленинизмом», «мы должны победить, в числе других фетишей, и фетиш права и закона, свести их к самым простым и обыденным явлениям; из власти над нами превратить их в орудие власти в наших руках. Проделав революцию во всех областях жизни, мы не должны отказаться от внесения революции и в право, и даже в *гражданское право*»¹³⁸.

¹³⁶ Стучка П.И. Пролетарское право // Октябрьский переворот и диктатура пролетариата. Сборник статей. М., 1919. С. 210. При переиздании этой статьи в 1931 г. П.И. Стучка отметил, что она «обратила на себя внимание Владимира Ленина, очевидно, из-за постановки некоторых вопросов. Его оценка гласила: “Статья Вам хорошо удалась”» (Стучка П.И. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права. Сборник статей 1917–1930. М., 1931. С. 24).

¹³⁷ Стучка П.И. Курс советского гражданского права. Т. 1. Введение в теорию гражданского права. М., 1927. С. 12.

¹³⁸ Там же. С. 10–11.

В более категоричной и ясной форме эту мысль выразил в своих публикациях в 1924 году А.Г. Гойхбарг. Указав, что идея права и справедливости прекрасно служит интересам эксплуататорского класса, он констатировал: «Мы отказываемся, таким образом, видеть в праве некоторую идею, которая явилась бы полезной и для рабочего класса, и для пролетариата. В свое время эта идея имела некоторый смысл, но в настоящее время в идеологии пролетариата она излишня, и ее необходимо вытравлять из пролетарских мозгов»¹³⁹.

Во второй половине 1920-х — начале 1930-х годов центральной темой в советской юридической науке и в политической идеологии Советского государства стала проблема революционной законности¹⁴⁰. Свое мнение на эту тему старался тогда высказать едва ли не каждый советский правовед.

С позиции здравого смысла употребление термина «законность» в сочетании со словом «революционная» не могло не казаться странным. Эту странность, кажется, вполне сознавал А.Я. Вышинский. Вряд ли случайно в своих выступлениях применительно к законности он чаще использовал определение «социалистическая», а не «революционная».

В докладе «Революционная законность и задачи советской защиты», прочитанном 21 декабря 1933 года на собрании Московской коллегии защитников, Вышинский заявил, что революционную законность «мы сейчас называем по праву *социалистической законностью*, потому что ее основой является охрана и защита

¹³⁹ Гойхбарг А.Г. Основы частного имущественного права (очерки) М., 1924. С. 22. Гойхбарг А.Г. Несколько замечаний о праве // Советское право. Журнал Института советского права. 1924. № 1. С. 11-12.

¹⁴⁰ Обращая внимание на злободневность, которую приобрел в то время вопрос о революционной законности, правовед В.П. Антонов-Саратовский писал: «Им занимаются не только правительственные и партийные органы, но и вся советская общественность. Происходят горячие дискуссии, целью которых является раскрытие современного содержания понятия “революционная законность”, выявление причин, препятствующих достаточному практическому ее осуществлению и отыскание действительных мер к устранению этих причин» (Антонов-Саратовский В.П. О революционной законности // Революционная законность. 1926. № 1-2. С. 3).

социалистической общественной собственности»¹⁴¹. При этом он пояснил, что, в отличие от других типов законности, социалистическая законность является настоящей. «С этой настоящей законностью, — потому-то она и называется социалистической законностью, — не могут идти ни в какое сравнение законности каких бы то ни было государств, каких бы то ни было периодов человеческой истории», — сказал Андрей Януарьевич и подчеркнул: «Задача законности всякого классового общества, как только она возникает, лежит в том, чтобы обеспечить устойчивость данного государственного строя, устойчивость тех социально-политических отношений, которые возникли на определенной базе общественно-экономического развития данной страны»¹⁴². Данные высказывания Вышинского в сущности выражали мысль о том, что законность любого классового общества призвана обеспечить **устойчивость** государственного строя и социально-политических отношений, ее установление означает прекращение разрушительных процессов, присущих революциям, поскольку настоящая законность консервативна, а не революционна.

Сторонники же революционного течения в советской юридической науке никакой другой законности, кроме **революционной** не признавали, и саму эту революционную законность понимали не как способ придания устойчивости сложившемуся в стране государственному строю и правопорядку, а как юридическую форму, обеспечивающую продолжение революционных процессов. Так, Н.В. Крыленко писал в 1925 году в статье «О философских выступлениях т. Сольца на тему о “революционной законности”, о “старом” и “новом” праве и его практических по этому поводу предложениях»: «Отличие революционной законности от законности вообще только в том, что мы нашими законами охраняем наш революционный порядок, охраняем наше революционное дело, в то время как старое право

¹⁴¹ *Вышинский А.Я.* Революционная законность и задачи советской защиты. М., 1934. С. 20.

¹⁴² Там же. С. 7. О других случаях использования Вышинским словосочетания «социалистическая законность» вместо категории «революционная законность» см.: Там же. С. 6, 25, 27, 29 и др.

охраняло старый порядок. Отличие революционной законности, наконец, в том, что революционная законность и революционное право сами являются революционизирующим фактором, как право нового класса,двигающее вперед, устанавливающее новые формы жизни, и поэтому реакционным посягательством является всякая попытка его нарушения»¹⁴³.

П.И. Стучка также понимал революционную законность как продолжение революционных процессов. «Революционная законность есть та же *революция*, только иными средствами», она является «доведением до небывалых размеров *организованности* революции»¹⁴⁴, — писал он в 1930 году.

А.Я. Вышинский признавал немаловажную роль П.И. Стучки в разработке основ советского государственного и гражданского права и в утверждении среди советских правоведов марксистско-ленинского понимания права, но при этом ряд высказанных им идей считал ошибочными. Выступая 3 мая 1937 года на партийном собрании работников Прокуратуры СССР, Андрей Януарьевич обращал внимание на серьезные противоречия в его воззрениях на советское право. «Нельзя отрицать того факта, — отмечал он, — что Стучка в свое время указывал на грубейшие извращения марксизма вредительской “теорией” Пашуканиса. Но П.И. Стучка в то же время усердно восхвалял Пашуканиса за его якобы заслуги перед советским правом. Стучка разоблачал клеветнический тезис Пашуканиса о том, что советское право есть право буржуазное, так как де всякое право является категорией буржуазного общества. Но в то же время сам Стучка впадал в грубую ошибку, утверждая, что мы в области гражданского права просто произвели рецепцию буржуазного права. Наши первые кодексы Стучка ошибочно рассматривал как результат уступки буржуазному праву, как вехи отступления, повторяя антиленинские измышления Зиновьева и Бухарина, перенося

¹⁴³ Крыленко Н.В., Яхонтов В.И. Статьи о революционной законности. М., 1926. С. 50. Цитированная статья Н.В. Крыленко была опубликована 8 декабря 1925 г. в газетах «Правда» и «Известия ЦИК».

¹⁴⁴ Стучка П.И. Революционная законность (итоги и перспективы) // Стучка П.И. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права. Сборник статей 1917–1930. М., 1931. С. 219.

троцкистско-зиновьевские установки в область теории права»¹⁴⁵. Не принимал Вышинский и мнения П.И. Стучки о возможности поддерживать правопорядок в социалистическом обществе без принуждения со стороны государства, одной лишь «сознательной доброй волей трудящихся». «Это прямо противоречит марксистско-ленинскому учению о праве»¹⁴⁶, – выносил свой вердикт Андрей Януарьевич, ссылаясь на высказывание В.И. Ленина о том, что «право есть ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению норм».

Убежденным сторонником революционного течения в советской юридической науке являлся и профессор факультета советского права 1-го Московского университета *Михаил Андреевич Рейснер* (1868–1928). «Перед революцией я думал, что право могло бы быть использовано нами, как революционное оружие. В настоящее время, при наличности новой экономической политики и замедлении мировой революции я склонен стать на противоположную точку зрения»¹⁴⁷, – сокрушенно констатировал он в 1925 году. Что же заставило его сделать такой вывод? Оказывается, всего лишь наблюдавшееся им усиление роли закона во внутренней политике Советского государства, выдвижение на судебные должности профессиональных юристов, увеличение в учебных заведениях, готовивших юристов, количества преподаваемых юридических наук. Профессор-революционер считал эти перемены, выражавшие восстановление нормальной общественной жизни после пережитых страной катаклизмов революции и гражданской войны, самой настоящей реставрацией дореволюционных порядков. «Меня весьма страшат, – признавался он, – наши новые правовые увлечения, и я склонен возвысить свой голос в тех целях, чтобы предостеречь от безмерной юридизации наших порядков, даже на основе пролетарской диктатуры. Если право не “опиум для народа”, то, во всяком случае, довольно опасное снадобье, обладающее в горячем состоянии

¹⁴⁵ *Вышинский А.Я.* Положение на правовом фронте // Советское государство. 1937. № 3–4. С. 34.

¹⁴⁶ *Вышинский А.Я.* К положению на фронте правовой теории // Социалистическая законность. 1937. № 5. С. 30.

¹⁴⁷ *Рейснер М.А.* Право. Наше право. Чужое право. Общее право. М., 1925. С. 35.

свойствами взрывчатого вещества, а в холодном всеми признаками крепкого, иногда слишком крепкого, клея или замазки»¹⁴⁸.

Больше всего революционное сознание М.А. Рейснера оскорбляли профессионализация суда и возрождение российского юридического образования. «Наш судебный аппарат, вполне нормально перешедший от первоначального “революционного правосознания” к твердому процессу и материальному праву, не сумел найти правильных путей и ударился в крайность профессиональной юрисдикции, — сетовал он. — Наше высшее образование, с упразднением факультетов общественных наук, как будто целиком возвращается к старым фабрикам юридических дипломов, а место различных областей политики хозяйства и управления начинают занимать, совершенно по старым образцам, бесчисленные отрасли юридической догматики. Программа современных правовых отделений положительно пестрит всевозможными “правами”. “Право кооперации” и “право земельное”, “право социального обеспечения” и “право гражданское”, “право хозяйственное” и “право административное” ... право, право и право, без конца. Только, только не хватает права полицейского и права церковного. Если бы дополнить ими наш список, то старый ассортимент “императорского юридического факультета” был бы дан в еще усовершенствованном и развитом виде. “Возрождение” юридической литературы мы отчасти видели выше... Мертвые кости воскресли!»¹⁴⁹.

Профессор Рейснер не скрывал скептического отношения к советскому праву и не стеснялся представлять его реакционной силой, орудием в руках буржуазии, способным расшатать диктатуру пролетариата. Наблюдая усиление роли юридического принципа в политике Советского государства, он искренне этому удивлялся и спрашивал: «К чему же понадобилось право там, где имеется определенная и ясная формула диктатуры, и зачем правовая регулировка, раз мы имеем твердо осознанный классовый интерес и надлежащие технические способы для его осуществления. На это увы

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Там же. С. 36.

никто не отвечает... И мы остаемся по-прежнему в полном недоумении: мы так и не знаем, нужно ли нам право, в какой степени оно нам нужно, и можно ли мириться с тем, что мы почему-то пролетарскую диктатуру и классовый интерес перекрашиваем в какие-то загадочные правовые образы и формы»¹⁵⁰.

Вышинского в наибольшей степени задевало следующее высказывание М.А. Рейснера: «Мы не должны забывать, что гражданское или частное право это есть основное орудие вражеской нам силы на идеологическом фронте»¹⁵¹. Прочитав его в докладе на партийном собрании работников Прокуратуры СССР, состоявшемся 3 мая 1937 года, Андрей Януарьевич гневно заявил: **«Вся эта глупейшая антисоветская дребедень, совершенно несусветная чепуха преподносилась нашей молодежи с высоты кафедры Московского университета, печаталась и издавалась нашими издательствами»**¹⁵².

Из советских правоведов против правовой регламентации общественных отношений в Советском государстве выступал столь решительно, кроме М.А. Рейснера, только профессор А.Г. Гойхбарг, прославившийся заявлением о том, что право еще более отравляющий и дурманящий опиум для народа, чем религия. Оно было сделано в первой главе книги «Основы частного имущественного права», опубликованной в 1924 году. Александр Григорьевич выразил этим заявлением убеждение, которое разделял и профессор Рейснер, что всякое право, в том числе и советское, служит интересам эксплуататорских классов. В докладе на Всесоюзном прокурорском совещании, сделанном 13 июля 1936 года, Вышинский назвал этот вывод абсурдом¹⁵³. В статье «К положению на правовом фронте», опубликованной в 1937 году в майском номере журнала «Социалистическая законность», прокурор СССР снова подверг критике попытку Гойхбарга представить советское право опиумом

¹⁵⁰ Там же. С. 33–34.

¹⁵¹ Там же. С. 237.

¹⁵² *Вышинский А.Я.* Положение на правовом фронте // Советское государство. 1937. № 3–4. С. 34.

¹⁵³ *Вышинский А.Я.* Сталинская конституция и задачи органов юстиции // Социалистическая законность. 1936. № 8. С. 14.

для народа, причем еще более отравляющим и дурманящим, чем религия. Приведя его высказывание, Вышинский заметил: «Под маркой социалистической Академии общественных наук и Народного комиссариата юстиции, сей откровенный меньшевистский теоретик провозглашал отличие буржуазного строя от социалистического в том, что — “храм буржуазного владычества — законодательство и его фетиш — закон; храм пролетарского и “социалистического мирового строя — управление, а его богослужение — труд”»¹⁵⁴.

Профессор Гойхбарг отказался от этих взглядов на советское право еще в 1925 году, признав их ошибочными, но Вышинский счел необходимым напомнить о них в 1937 году, пояснив, что они «до сих пор живучи в сознании наших весьма плодовитых “теоретиков”, которые делают по существу сейчас те же самые ошибки, которые в свое время делал Гойхбарг», и что подобным образом рассуждают пашуканисовцы¹⁵⁵.

К началу 1930-х годов в СССР сформировалась довольно значительная группа молодых ученых-юристов — последователей идей П.И. Стучки, Н.В. Крыленко, М.А. Рейснера и Е.Б. Пашуканиса. Вышинский весьма критически оценивал их научное творчество. В статье «К положению на фронте правовой теории» и в докладе на ту же тему «Положение на правовом фронте» он назвал целый ряд таких правоведов: Г.Н. Амфитеатров¹⁵⁶, К.А. Архиппов¹⁵⁷, Л.Я. Гинцбург¹⁵⁸, О.П. Дзенис¹⁵⁹, М.Н. Доценко¹⁶⁰, И.Д. Ильинский¹⁶¹, А.Т. Костельцев¹⁶², Д.А. Магеровский¹⁶³, И.П. Разумовский¹⁶⁴, Ф.И. Старовойтов¹⁶⁵. Только

¹⁵⁴ Вышинский А.Я. К положению на фронте правовой теории // Социалистическая законность. 1937. № 5. С. 32.

¹⁵⁵ Вышинский А.Я. Положение на правовом фронте. С. 31.

¹⁵⁶ Георгий Никитич Амфитеатров (1899–1950).

¹⁵⁷ Константин Андреевич Архиппов (1891–1939).

¹⁵⁸ Леонид Яковлевич Гинцбург (1901–1976).

¹⁵⁹ Освальд Петрович Дзенис (1896–1937).

¹⁶⁰ Михаил Николаевич Доценко (1903–1937).

¹⁶¹ Илья Давидович Ильинский-Брук (1892–1938 или 1939).

¹⁶² Александр Тимофеевич Костельцев (1899–1937).

¹⁶³ Дмитрий Александрович Магеровский (1894–1939).

¹⁶⁴ Исаак Петрович Разумовский (1893–1937).

¹⁶⁵ Федор Иустинович Старовойтов (1905–1937).

двое людей из этого списка пережили годы 1937-й, 1938-й и 1939-й, а именно: Амфитеатров и Гинцбург. Остальные разделили судьбу Пашуканиса. В связи с этим возникает вполне логичный вопрос: не была ли печальная участь названных молодых правоведов predetermined критикой их взглядов на советское право прокурором СССР А.Я. Вышинским?

Прежде всего отметим, что все они оказались репрессированными не за «вредительство» в советской юридической науке, а за участие в организациях троцкистов и бухаринцев. Так, Е.Б. Пашуканис был обвинен в активном участии в террористической организации и в том, что лично завербовал в нее Дзениса и Ашрафяна, что «был в курсе террористической работы и сам являлся сторонником террора над руководителями ВКП (б) и Советского правительства». И лишь в дополнение к главным обвинениям ему было вменено в вину ведение контрреволюционной деятельности «в области теории советского права».

О.П. Дзенис и З.А. Ашрафян¹⁶⁶, работавшие перед арестом в Институте Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК КП (б) Украины, были арестованы в ноябре 1936 года, то есть до критики Вышинского в их адрес и вне какой-либо связи с нею, а на основании доноса, в котором сообщалось, что они являются участниками антисоветской террористической группы. На февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП (б) 1937 года они были названы троцкистами (в речи директора данного Института Н.Н. Попова)¹⁶⁷, а это означало, что их участь к тому времени уже была решена.

На основании единственного доноса был арестован и осужден 13 ноября 1936 года к десяти годам лишения свободы по статьям 58-8 и 58-11 УК РСФСР за подготовку террористических актов против руководителей Советского государства научный сотрудник

¹⁶⁶ Зармайр Андреевич Ашрафян (1898–1937).

¹⁶⁷ Дословно Н.Н. Попов сказал на заседании Пленума следующее: «Случилось так, что после разгрома националистов в 1933 г. на руководящие посты на культурно-идеологическом фронте были выдвинуты у нас на Украине троцкисты: Ашрафян, Дзенис, Сенченко, Гител, Карпов и др.» (Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года. 5 марта 1937 года. Вечернее заседание // Вопросы истории. 1995. № 12. С. 10).

Института уголовной политики А.Т. Костельцев. 10 октября 1937 года он снова предстал перед судом и на этот раз был приговорен к расстрелу.

Старший научный сотрудник Института права АН СССР М.Н. Доценко был арестован 1 февраля 1937 года по обвинению в участии в антисоветской террористической организации. 14 августа 1937 года его приговорили к расстрелу. Д.А. Магеровского арестовали в феврале 1938 года. 2 марта 1939 года его осудили на расстрел и также по статьям 58-8 и 58-11 УК РСФСР. В 1917–1918 годах он состоял в Центральном комитете партии социалистов-революционеров и обвинялся в участии в мятеже левых эсеров.

Оценка правовых взглядов Е.Б. Пашуканиса в выступлениях Вышинского весной 1937 года была предельно резкой, но следует заметить, что Андрей Януарьевич не был первым или единственным их критиком. Так, в 1925 году концепцию книги Пашуканиса «Общая теория права и марксизм» подверг обстоятельному критическому разбору правовед Н.М. Тоцкий¹⁶⁸, а в 1927 году ряд серьезных

¹⁶⁸ «Коренной недостаток книги Е. Пашуканиса — сужение поля внимания и ограничение науки права исключительно областью отношений обмена. Ограничив себя заранее областью исследования и приняв на веру, что правовая форма свойственна только им, автор, далее натолкнулся на смежные и одновременно на существующие отношения властвования и подчинения, которые образуют ту форму общественного порядка, которая именуется *государством*... Вместо того, чтобы просто признать факт совместного и параллельного существования обоих видов отношений и показать соответствие их обоим структуре буржуазного общества, автор занялся схоластическими вопросами: какому из них принадлежит примат перед другими, что является определяющим и что определяемым и т.п.; смешал затем право в субъективном смысле слова с отношениями обмена, а объективное право — с публичным; наконец, соединил объективное право с государством, и это последнее сделал двойственным. Если бы этого не случилось, то для автора стало бы ясным, что *частно-правовым отношениям*, включающим в себя, между прочим и отношения обмена, корреспондируют (выступающие в буржуазном обществе на первом плане) отношения властвования и подчинения, которые объемлются понятием *публично-правовых отношений*» (Тоцкий Н.М. Общая теория права и марксизм (по поводу книги Е.Пашуканиса) // Право и жизнь. Журнал, посвященный вопросам права и экономического строительства. 1925. Кн. 6. С. 87).

критических замечаний относительно ее содержания высказал в первом томе «Курса советского гражданского права» П.И. Стучка¹⁶⁹.

Пашуканис между тем продолжал развивать свою доктрину отмирания права при социализме. В 1929 году в статье «Экономика и правовое регулирование» он самонадеянно и как бы от имени всех советских правоведов-марксистов заявил: «Если в досоветский период нередко можно было встретиться с утверждением, будто социализм влечет за собой необыкновенное развитие правовой надстройки, то сейчас с этим никто из марксистов, разумеется, не согласится. Сейчас для нас бесспорно, что растущее значение сознательного регулирования хозяйственных процессов и вообще выработка сознательной коллективной воли на основе исторического материализма как основной признак социалистического общества вовсе не равносильны растущей роли права, а наоборот сопровождаются неизбежным его отмиранием»¹⁷⁰.

В докладе на расширенном заседании Бюро Института советского строительства и права, состоявшемся 10 ноября 1930 года, Пашуканис обрушился на бухаринцев и троцкистов: «В вопросах государства и права правый оппортунизм опирается на пресловутую теорию равновесия, на бухаринский закон трудовых затрат, на бухаринское понимание государства, как обруча, который связывает различные классы и тем придает “единство обществу”. Характерным для правого уклона является либеральное понимание революционной законности, исходящее исключительно из устойчивости оборота и поощрения развития производительных сил в индивидуальном крестьянском хозяйстве. Вся эта сумма взглядов, начиная с теоретических предпосылок и кончая практическими выводами, требует глубокой и беспощадной критики. С другой стороны, не менее необходима критика

¹⁶⁹ Указав на достоинства книги Пашуканиса, Стучка заметил: «Но эта теория в ее первоначальном изложении имеет свои пробелы, свои односторонности, поскольку она все право сводит только к рынку, только к обмену, как опосредствованию отношений товаропроизводителей, — что, значит право вообще свойственно только буржуазному обществу» (*Стучка П.И.* Курс советского гражданского права. Т. 1. С. 49).

¹⁷⁰ *Пашуканис Е.Б.* Экономика и правовое регулирование // Революция права. Журнал секции общей теории права и государства Коммунистической академии. 1929. № 4. С. 14.

троцкизма с его отрицанием возможности построения социализма в одной стране»¹⁷¹. При этом Евгений Брониславович не умолчал и о собственных погрешностях в трактовке сущности права. «Моя основная ошибка заключалась в смешении специфических признаков буржуазно-юридической формы и права в целом, что далеко не одно и то же»¹⁷², — признался он.

В основных выводах рассматриваемого доклада Пашуканис повторил с еще большей категоричностью свой взгляд на советское право как на явление, всецело подчиненное задачам государственной политики. Его фанатичная приверженность революционному течению в советской юридической науке проявилась здесь предельно отчетливо. Отметив, что в буржуазном обществе правовая надстройка должна иметь максимум неподвижности и устойчивости, поскольку она воплощает собой твердые рамки для движения экономических сил, он заявил: «У нас иное, у нас нужна максимальная гибкость нашего законодательства. Мы не можем себя связывать никакими системами, ибо мы каждый день ломаем структуру производственных отношений и на место их ставим новые, делаем это сознательно, через посредство государства, чего не делает буржуазное государство. Буржуазное государство ориентировано на форму, вся деятельность пролетарского государства ориентирована на достижение результатов по существу. Поэтому в то время, когда буржуазные государствоведы самую политику пытаются изобразить как право, растворить в праве, — у нас, наоборот, **право занимает подчиненное положение по отношению к политике**. У нас есть система пролетарской политики, но нам не нужна никакой юридической системы пролетарского права»¹⁷³ (выделено мною. — В.Т.).

П.И. Стучка, слушавший этот доклад, воскликнул в конце его: «А революционная законность?» Пашуканис ответил как истинный и несгибаемый революционер: «Революционная законность, т. Стучка, — это для нас на 99% политическая задача. Ее мы не разрешим сейчас

¹⁷¹ Пашуканис Е.Б. Положение на теоретическом правовом фронте // Советское государство и революция права. Журнал Института советского строительства и права. 1930. № 11-12. С. 19.

¹⁷² Там же. С. 34.

¹⁷³ Там же. С. 48.

иначе, как ориентируясь на политику. Это не значит, что мы должны отмахнуться от работы по созданию основ и кодексов. Мы должны делать эту работу, потому что если мы от этого отвернемся, то это возьмут в свои руки старые юристы и будут протаскивать там свои реакционные идеи. Но ставить на место движения вперед вместе с рабочим классом, вместе с партией какую-то застывшую систему, хотя бы и под названием пролетарского права, — этого мы не должны делать»¹⁷⁴. Пашуканис убежденно и открыто заявлял, таким образом, что правоведы-революционеры не должны стремиться к утверждению в стране законности и браться за составление кодексов им следует лишь для того, чтобы не допустить к этой кропотливой, требующей глубоких юридических знаний работе настоящих юристов.

В январе 1931 года состоялся первый всесоюзный съезд марксистов-государственников, на котором Е.Б. Пашуканис выступил с докладом «Основные проблемы марксистской теории права и государства». Его текст был опубликован в январском номере журнала «Советское государство и революция права», а в феврале вышел в свет в виде 40-страничной брошюры тиражом 15 000 экземпляров под названием «За марксо-ленинскую теорию государства и права». В начале своего выступления Евгений Брониславович разоблачил троцкизм, подверг критике взгляды Бухарина на экономику и политику Советского государства, приведя цитаты из его произведений в «Курсе советского гражданского права» П.И. Стучки. Затем раздал политические ярлыки целому ряду советских правоведов. Вышедшую в 1922 г. книгу Я.М. Магазинера «Общее учение о государстве» Пашуканис отнес к числу «явно контрреволюционных сочинений». О работах В.Н. Дурденевского, Э.Э. Понтовича, С.А. Котляревского, В.К. Дябло, Игнатьева он сказал, что их «можно охарактеризовать как типичный образец буржуазно-юридической методологии, с помощью которой извращается сущность пролетарской диктатуры»¹⁷⁵. В числе советских правоведов, находящихся под влиянием «той же буржуазно-юридической

¹⁷⁴ Там же. С. 49.

¹⁷⁵ Пашуканис Е.Б. Основные проблемы марксистской теории права и государства // Советское государство и революция права. 1931. № 1. С. 18.

методологии» и пытающихся проводить ее в своих произведениях, им были названы Д.А. Магеровский, А.Л. Малицкий, М.О. Рейхель, Ю.М. Стеклов. В советской науке уголовного права Пашуканис обнаружил «своеобразную разновидность буржуазно-социологической школы, подкрашенной под марксизм», которую, по его мнению, представляли правоведы М.М. Исаев, А.Н. Трайнин и А.А. Пионтковский. Правоведами примыкавшими к ней, относящихся, по его мнению, к типу «совершенно открытых и чистокровных догматиков сменовеховского типа», он назвал А.А. Жижиленко и П.И. Люблинского¹⁷⁶. Камень своей критики Евгений Брониславович бросил и в правоведа Е.Г. Ширвиндта, напомнив, что составленный им проект реформы уголовного кодекса был назван в журнале «Советское государство и революция права» «проектом разоружения пролетарской диктатуры в области уголовной репрессии»¹⁷⁷.

Выступая с докладом, Пашуканис покритиковал и свою работу «Общая теория права и марксизм», указав, что «в ней имеется ряд формалистических ошибок, приводящих к отрыву формальной стороны права от материально-классового его содержания. Форма буржуазного права, отраженная в абстрактных категориях, объявляется предметом теории права и отождествляется с правом как историческим явлением». Вынесенный им вердикт относительно собственной книги звучал довольно строго: «Это — несомненная и грубая формалистическая ошибка, которая при дальнейшем углублении и развитии ведет к возрождению отвлеченной теории или философии права, в которой марксизм вовсе не нуждается»¹⁷⁸.

Оценка книги Пашуканиса в резолюции первого всесоюзного съезда марксистов-государственников повторяла высказанные о ней самим автором и другими правоведами критические замечания¹⁷⁹.

¹⁷⁶ Там же. С. 19.

¹⁷⁷ Там же. С. 27.

¹⁷⁸ Там же. С. 23.

¹⁷⁹ В данной резолюции отмечалось, в частности: «Основным методологическим недостатком работы т. Пашуканиса “Общая теория права и марксизм” является абстрактный подход с наличием формалистических ошибок, ведущих к отрыву формы от содержания. В книге не разрешена проблема единства материально-классового содержания права и его формы. Форма буржуазного права, отраженная в абстрактных категориях, объявляется предметом права и

Вряд ли кто-то из правоведов, собравшихся на этот съезд, мог предположить, сколь трагическими будут последствия их научных дискуссий. А между тем намеки на такой исход присутствовали в докладе Е.Б. Пашуканиса: их можно было усмотреть в тех политических оценках, которые Евгений Брониславович щедро и безапелляционно давал своим коллегам и их взглядам. Он объявлял их творчество контрреволюционным по своему характеру, буржуазным по своей методологии и прямо направленным против пролетарской диктатуры. Он распространял дух враждебности среди тех людей, которые профессией своей были призваны поддерживать в обществе дух миролюбия.

Он разжигал огонь революции, не понимая, что и сам сгорит в нем...

отождествляется с правом в целом... Из основной методологической ошибки вытекали ошибочные установки по целому ряду проблем теории права и государства (неправильная трактовка добуржуазных систем права, отодвигание на задний план момента господства-подчинения и классово-репрессивного значения права, ошибка в вопросе взаимоотношения государства и права, в вопросах морали, в вопросах уголовного права» (Резолюция I Всесоюзного съезда марксистов-государственников и юристов по докладам Е. Пашуканиса и Я. Бермана // Советское государство и революция права. 1931. № 3. С. 148-149).